

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «Ф.Г. против ШВЕЦИИ»

(Заявление № 43611/11)

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

23 марта 2016 года

Настоящее решения суда является окончательным, однако может подлежать редактированию.

В деле «Ф.Г. против Швеции» /F.G. v. Sweden/

Европейский суд по правам человека, заседая в рамках Большой Палаты в следующем составе:

Гвидо Раймонди, Президент
Дин Шпильманн
Андрас Сайо
Йосеп Касадевалл
Инета Земеле
Элизабет Стайнер
Георг Николау
Леди Бианку
Винсент А. Де Гаэтано
Юлия Лаффранк
Пауло Пинто де Альбукерке
Линос-Александр Сицильянос
Хелена Ядерблом
Алеш Пейчала
Кшиштоф Войтычек
Дмитрий Дедов
Роберто Спано, судьи

и Йохан Каллеваерт, Заместитель секретаря Большой Палаты

посоветовавшись за закрытыми дверями 03 декабря 2014 года и 07 января 2016 года,

выносит следующее решение, принятое в день, указанный ниже:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано на основании заявления (№ 43611/11) против Королевства Швеция, поданного в Суд согласно Статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Ирана, г-ном Ф.Г. («Заявитель») 12 июля 2011 года. Президент Большой Палаты удовлетворил требование Заявителя о неразглашении его имени (Правило 47 параграфа 4 Регламента Суда).
2. Интересы Заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял г-н Лавдэй, член Ассоциации адвокатов Англии и Уэльса, практикующий в Швеции. Шведское правительство («Правительство») представлял его Полномочный Представитель, г-н А. Ронквист, Посол и генеральный директор по юридическим вопросам Министерства иностранных дел.
3. В частности, Заявитель предположил, что его выдворение в Иран повлечет за собой нарушение Статей 2 и 3 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую секцию Суда (Правило 52, п. 1). 25 октября 2011 года Президент Секции, в которую было распределено дело, принял решение применить Правило 39, указав Правительству на то, что Заявитель не должен быть выслан в Иран в течение периода рассмотрения дела Судом. 16 января 2014 года Палата в составе Марка Виллигера, Президента, Ангелики Нуссбергер, Боштиана М. Зупанчича, Энн Пауэр-Форде, Андре Потоки, Пола Лемменса, Хелены Ядерблом, судей, а также Клодии Вестердик, Секретаря Суда, вынесла свое решение. Палата постановила, что исполнение ордера на выдворение по отношению к Заявителю не повлечет нарушения Статей 2 и 3 Конвенции. К судебному решению прилагалось совместное особое мнение судей Зупанчича, Пауэр-Форде и Лемменса.

5. 16 апреля 2014 года Заявитель обратился с просьбой о направлении дела на рассмотрение в Большую Палату согласно Статье 43 Конвенции, и коллегия Большой Палаты удовлетворила данное ходатайство 02 июня 2014 года.

6. Состав Большой Палаты был определен согласно положениям Статьи 26, пп. 4 и 5, Конвенции, а также Правила 24.

7. И Заявитель, и Правительство, подали дальнейшие письменные объяснения (Правило 59, п. 1) по существу дела.

8. Кроме того, были получены комментарии третьих сторон, в частности, от Европейского центра права и правосудия, Альянса по защите свободы при поддержке организации Jubilee Campaign, Центра консультирования по правам в Европе (Центр AIRE), Европейского совета по делам беженцев и изгнанников (ECRE), Международной комиссии юристов, а также Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), которым Президент Большой Палаты позволил участвовать в письменном производстве без выдвижения самостоятельных требований (Статья 36, п. 2, Конвенции и Правило 44, п. 3).

9. Слушание было открытым и состоялось во Дворце прав человека в Страсбурге 03 декабря 2014 года (Правило 59, п. 3).

Перед Судом предстали:

(a) от имени Правительства:

г-н Андерс Ронквист, Посол и генеральный директор
по юридическим вопросам Министерства иностранных дел, Агент
г-жа Хелен Линквист
г-жа Вестман-Клеман
г-жа Линда Оман Бристоу, советники;

(b) от имени Заявителя:

г-н Дэвид Лавдей, член Ассоциации адвокатов Англии
и Уэльса, практикующий в Швеции адвокат
г-жа Ханна Петтерсон
г-жа Анджела Эванс, советники.

Суд заслушал выступления г-на Ронквиста и г-на Лавдея, а также их ответы на вопросы судей Спано, Ядерблом, Бианку, Пинто де Альбукерке и Де Газтано.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1962 году, проживает в Швеции.

11. 16 ноября 2009 года он прибыл в Швецию и попросил о предоставлении политического убежища.

12. 19 февраля 2010 года адвокат, назначенный Заявителем, подал в Миграционный совет (Migrationsverket) письменные представления, в которых изложил основания ходатайства Заявителя о предоставлении политического убежища.

13. 24 марта 2010 года Миграционный совет провел с Заявителем устное интервью в присутствии его адвоката и переводчика. Заявитель передал заявление датированное 15 марта 2010 года, от пастора в Швеции, в котором тот подтверждал, что Заявитель был крещен и является его прихожанином с декабря 2009 года. Поэтому представитель Миграционного совета спросил об этом в начале интервью. Заявитель ответил, что это личная тема «в [его] сердце», добавив: «Данная тема с этим не связана, но если вы хотите задавать вопросы, пожалуйста. Все проблемы в моей родной стране возникли из-за того, что в Иран пришел ислам...». Чиновник из Миграционного совета пояснил, что он задавал вопросы на эту тему, поскольку понял свидетельство так, будто Заявитель ссылаясь на такой переход в другую веру в качестве основания для предоставления убежища. Заявитель ответил следующее: «нет, это не то, на что я хочу сослаться. Это что-то личное». Затем представитель Миграционного совета предложил приостановить интервью, чтобы Заявитель и его адвокат посоветовались. После десятиминутного перерыва адвокат заявил: «Заявитель хочет подчеркнуть, что он перешел в другую веру не для того, чтобы увеличить свои шансы на получение вида на жительство, а из личных убеждений». После вопроса о том, когда произошел такой переход, Заявитель ответил, что это произошло после того, как он прибыл в шведский город X, где не было много иранцев. Он познакомился с человеком, ходившим в церковь четыре раза в неделю. И этот человек знал, что Заявитель ненавидел ислам. Заявитель продолжил: «Я не считаю христианство религией». На вопрос почему так, Заявитель ответил: «Если бы христианство считали религией, оно было бы как ислам, но христианство – это та любовь, которая у вас есть к Богу». Он пояснил, что ходил на встречи прихожан от двух до четырех раз в неделю и читал Библию. Заявитель привел примеры чудес и пророчеств из Библии, которые привлекли его в христианство. Представитель Миграционного совета задал вопрос, почему, если Заявитель не желал сослаться на свой переход в другую веру в качестве основание для предоставления убежища, он все равно предоставил свидетельство от пастора, на что Заявитель ответил: «Я не знаю. Я никогда о нем не просил, я даже не думал о том, чтобы его предъявлять, но оно было нужно вам. Подобные свидетельства дают всем новообращенным».

14. Остальная часть интервью была посвящена политическому прошлому Заявителя. Заявитель пояснил, что в Иране он работал с лицами, связанными с различными университетами, которые были известны своим оппозиционным отношением к

режиму. Главным образом он работал над созданием и публикацией веб-страниц. В апреле 2007 года он и еще один человек были арестованы. Спустя 24 часа его освободили, а затем на десять дней госпитализировали из-за высокого кровяного давления.

15. До выборов, прошедших 12 июня 2009 года, Заявитель сотрудничал с Зеленым движением, поддерживавшим кандидата на пост президента Мусави, распространяя сообщения движения в сети интернет. За день до выборов его и его друзей арестовали, допросили и на ночь задержали на избирательном участке.

16. После выборов Заявитель участвовал в демонстрациях и иных мероприятиях. Его снова арестовали в сентябре 2009 года и заключили в тюрьму на двадцать дней. В тюрьме с ним обращались ненадлежащим образом. В октябре 2009 года он предстал перед Революционным судом, освободившим его на следующий день при условии, что он будет сотрудничать с властями и следить за своими друзьями. Он согласился на эти требования и в качестве гарантии предоставил свое служебное помещение. Он также уверил Суд в том, что он не будет участвовать в каких-либо демонстрациях и будет являться по повесткам. После освобождения в парке он обнаружил, что в его служебных помещениях был обыск. Там хранились политически чувствительные материалы, которые власти не могли не заметить, кроме того пропали его паспорт и другие документы.

17. Позже Заявитель получил повестку о необходимости явиться в Революционный суд 02 ноября 2009 года. Он обратился к другу, который, со своей стороны, воспользовавшись услугами контрабандиста, помог ему покинуть страну. Заявитель предоставил повестку от Революционного суда, датированную 21 октября 2009 года, в которой указывалось, что 02 ноября 2009 года он должен явиться в тюрьму «Эвин» в Тегеране.

18. Интервью с Миграционным советом продолжалось приблизительно два часа, и впоследствии протокол был направлен Заявителю и его адвокату для комментариев. Согласно комментариям адвоката, Заявитель не читал свидетельство пастора до интервью, так как оно было без перевода, а также Заявитель планирует подать официальное свидетельство о крещении.

19. 29 апреля 2010 года Миграционный совет отказал Заявителю в удовлетворении ходатайства о предоставлении убежища. В представлении Совета заявлялось, что хотя Заявитель не доказал свою личность или гражданство, он установил их вероятность.

20. Что касается ходатайства о предоставлении политического убежища, Миграционный совет решил, что участие в демонстрациях или сотрудничество с Зеленым движением само по себе не может привести к риску преследования, ненадлежащему обращению или наказанию после его возвращения в Иран. Миграционный совет отметил, что Заявитель в ходе производства несколько изменил свой рассказ и, в частности, изменил свои показания касательно количества его арестов. Кроме того, он не смог назвать парк, в котором его освободили в октябре 2009 года. Таким образом, Миграционный совет нашел основания для сомнений в том, арестовывался ли он вообще. Миграционный совет также посчитал, что политическая деятельность Заявителя была ограничена. После допроса в 2007 году до выборов в 2009 он имел возможность продолжать работу с веб-страницами, на

которых содержались материалы критического характера, несмотря на то, что - по словам Заявителя - уже в то время властям было известно о его деятельности. По этим причинам Миграционный совет посчитал, что Заявитель не мог представлять интерес для властей в связи со своей деятельностью или материалами, которыми он располагал.

21. Что касается перехода Заявителя в христианство, Миграционный совет отметил, что переход и крещение происходили не в Церкви Швеции, а Заявитель не предоставил подтверждения своего крещения. Свидетельство от пастора можно расценивать исключительно как аргумент для Миграционного совета в пользу того, что Заявителю должно быть предоставлено убежище. Заявитель изначально не пожелал сослаться на свой переход в христианство в качестве основания для предоставления убежища и заявил, что его новая вера – личный вопрос. Было решено, что его желание следовать вере в частном порядке не может считаться убедительным основанием полагать, что он подвергнется опасности преследования по возвращении. В итоге Миграционный совет посчитал, что Заявитель не продемонстрировал, что нуждается в защите в Швеции.

22. Заявитель обратился с апелляцией в Миграционный суд (Migrationsdomstolen), повторив свои требования и ссылаясь как на политические, так и на религиозные основания для предоставления убежища. Что касается последних, он предоставил свидетельство о крещении от 31 января 2010 года. Он обжаловал решение Миграционного совета, в котором, по его мнению, предполагалось, что переход в рамках «свободной церкви» имел меньшее значение, чем если бы он произошел в Церкви Швеции. Он пояснил, что сначала не хотел сослаться на свой переход в христианство, так как не хотел компрометировать серьезность своих убеждений.

23. 16 февраля 2011 года Миграционный суд провел устное слушание в присутствии Заявителя, его адвоката, переводчика и представителя Миграционного совета.

24. Миграционный совет не ставил под сомнение тот факт, что Заявитель на тот момент исповедовал христианскую веру, однако посчитал, что этого факта самого по себе недостаточно, чтобы считать, что Заявитель нуждается в защите, со ссылкой на методическую записку Министерства внутренних дел Великобритании от января 2009 года.

25. Заявитель указал, что не желал сослаться на свой переход в другую веру в качестве основания для получения убежища, поскольку считал его вопросом личного характера. Он добавил, что «впрочем, очевидно, что это создаст [для него] проблемы по возвращении».

26. Что касается его политического прошлого, он пояснил, что, среди прочего, он поддерживал связь со студенческим движением и довольно большим количеством студентов и помогал им с домашними страницами. Пока он находился в тюрьме, из служебного помещения забрали его компьютер. Материалы, в которых подвергался критике режим, хранились на его компьютере. Хотя Заявитель не критиковал лично режим, Президента Ахмадинежада или высшее политическое руководство, он посещал некоторые веб-сайты и получал по электронной почте карикатуры. Следовательно, по его мнению, имелось достаточно доказательств, подтверждающих,

что он является противником системы. По сути, все эти доказательства были материалами, которые хранились в его компьютере в 2007 году.

27. Также Миграционному суду была представлена повестка, предписывающая явиться в Революционный суд 02 ноября 2009 года. Заявитель пояснил, что повестку принесли ему домой, и ему ее передала сестра. Он оставил повестку у друга, когда уезжал из Ирана. Впоследствии упомянутый друг направил ее другому другу, который ехал в Украину и отправил повестку заявителю в Швецию. После этого его не вызывали в суд, а его семью оставили в покое. Тем не менее, возможно что-то и произошло, о чем семья не хотела ему рассказывать, дабы не беспокоить.

28. 09 марта 2011 года Миграционный суд отклонил апелляцию. Он посчитал, что Заявитель больше не ссылается на свои религиозные убеждения в качестве основания для преследования и более в своем заключении этот вопрос не упоминал.

29. Миграционный суд счел рассказ Заявителя в подтверждение его ходатайства о политическом убежище логически связным и заслуживающим доверия по основным позициям. Суд посчитал, что по неточностям, на которые указал Миграционный совет, было дано удовлетворительное разъяснение. Тем не менее, что касается повестки явиться в Революционный суд, Миграционный суд решил, что независимо от подлинности документа, сам по себе он не мог обосновать необходимости в защите. В этом отношении Миграционный суд указал на то, что этот документ был всего лишь повесткой явиться в суд. Причин, по которым заявитель должен был явиться в тюрьму «Эвин» представлено не было. Более того, информация о политической активности Заявителя в целом была расплывчатой, в ней отсутствовали подробности. Заявитель сообщал только о том, что участвовал в кампании в поддержку оппозиции перед выборами 2009 года, присоединившись к демонстрациям и поддерживая контакты со студенческим движением и студентами для оказания им помощи с веб-страницами. Кроме того, по словам Заявителя материалы, которые у него были во время допроса в 2007 году, не отличались от материалов, имеющих у него в 2009 году. Эти обстоятельства вместе с тем фактом, что Заявителя больше не вызывали в Революционный суд после ноября 2009 года, а также то, что его семья не подвергалась репрессиям, вызвали у Миграционного суда сомнения в том, что политическая деятельность Заявителя носила такой характер и масштаб, чтобы привести к предполагаемым последствиям. Миграционный суд счел, что Заявитель преувеличил важность своей политической деятельности и ее последствий, и соответственно - интерес к нему со стороны иранских властей. Исходя из этого, суд решил, что Заявитель не доказал, что вызывал особый интерес у иранских властей и поэтому нуждается в защите.

30. Заявитель попросил разрешения подать апелляцию в Миграционный апелляционный суд (Migrationsöverdomstolen) 30 марта и 19 апреля 2011 года. Он по-прежнему настаивал на необходимости в политическом убежище. Он также заявил, что в Миграционном суде он ссылаясь на свой переход в другую веру в качестве основания для убежища. По словам Заявителя, это слишком деликатный вопрос для него, нечто личное, он не хотел скомпрометировать серьезность своих убеждений. Именно поэтому он в ответ на прямой вопрос Миграционного суда заявил, что более не ссылается на свой переход в христианство в качестве основания для предоставления убежища. После устного слушания в Миграционном суде он стал прихожанином другой христианской конгрегации и участвовал в церемонии

посвящения, которая транслировалась в сети интернет. Поэтому его опасения, что такой переход в христианство станет известен иранским властям, увеличились еще больше. Он подал письмо из своей новой конгрегации от 13 апреля 2011 года в подтверждение своего пояснения. В частности, в письме говорится, что Заявитель перешел в христианство вскоре после прибытия в Швецию, что он продемонстрировал искреннее намерение и интерес больше узнать о христианстве, а также что он участвовал в церковных службах, молитвенных собраниях и общественных мероприятиях. В нем также указано, что он стал членом конгрегации в феврале 2011 года, а также что его христианские верования уже не являются его личной темой, поскольку службы, которые он посещал, транслировались в сети интернет.

31. 08 июня 2011 года Миграционный апелляционный суд отказал в удовлетворении ходатайства Заявителя о разрешении на подачу апелляции. Таким образом, ордер на депортацию вступил в силу.

32. 06 июля 2011 года Заявитель подал ходатайство в Миграционный совет о приостановлении исполнения его выдворения и пересмотре предыдущего решения Совета с учетом новых обстоятельств. Он заявил, среди прочего, что переход из ислама в другую религию в Иране является табу и карается смертью. Заявитель предоставил вышеуказанное письмо от 13 апреля 2011 года от своей новой церковной конгрегации.

33. 13 сентября 2011 года Миграционный совет отказал в пересмотре ходатайства Заявителя о предоставлении убежища на основании его перехода в другую веру. Миграционный совет отметил, что во время первоначальной процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища Заявитель указал, что он был крещен и перешел в христианство. Он также заявил, что его переход в другую веру – его личное дело, на которое он не хотел ссылаться в качестве основания для получения убежища. Миграционный совет счел необходимым обратить внимание на то, что Заявитель только сейчас поднял вопрос о переходе в христианство, тогда как ему была предоставлена возможность остановиться на этом вопросе более подробно во время устного слушания в Миграционном суде, и тем не менее он отказался это делать. Следовательно, Совет приходит к выводу, что переход Заявителя в другую веру не может считаться новым обстоятельством в качестве пред условия для пересмотра ходатайства Миграционным советом.

34. Заявитель подал апелляцию на это решение в Миграционный суд, подтвердив свои требования. Он заявил, что поскольку он ранее не ссылался на переход в христианство, то это должно считаться новым обстоятельством.

35. 06 октября 2011 года Миграционный суд отклонил эту апелляцию. Суд посчитал, что государственным органам уже было известно о переходе Заявителя в христианскую веру в первоначальной процедуре, за которой последовало решение о его выдворении. Таким образом, переход в другую веру не следует считать «новым обстоятельством». Тот факт, что Заявитель ранее решил не ссылаться на переход в христианство в качестве основания для предоставления убежища, не изменил мнения суда по этому вопросу.

36. Ходатайство Заявителя о предоставлении разрешения на апелляцию было отклонено Миграционным апелляционным судом 22 ноября 2011 года.

37. Поскольку согласно Главе 12, раздел 22 Закона об иностранных гражданах действие ордера на депортацию истекает через четыре года после даты вступления в юридическую силу, в данном деле действие этой депортации истекло 08 июня 2015 года.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

38. Соответствующие положения о праве иностранных граждан въезжать и оставаться в Швеции изложены в Законе об иностранных гражданах (Utlänningslagen, 2005:716) с изменениями, внесенными 01 января 2010 года.

39. Глава 5, раздел 1, Закона об иностранных гражданах устанавливает, что иностранный гражданин, который считается беженцем или иным образом нуждается в защите, имеет право, с определенными ограничениями, на вид на жительство в Швеции. Согласно Главе 4, раздел 1, Закона об иностранных гражданах, термин «беженец» относится к иностранным гражданам, пребывающим за пределами страны своего гражданства по причине обоснованных опасений преследования на почве расы, национальности, религиозных или политических убеждений либо по причине пола, сексуальной ориентации или принадлежности к иной определенной социальной группе и не имеют возможности или желания, по причине таких опасений, получить защиту в такой стране. Это правило применяется независимо от того, исходит ли преследование от властей страны или от того, что от этих властей нельзя ожидать защиты от преследования частных лиц. «Иностранный гражданин, который иным образом нуждается в защите» среди прочего означает лицо, покинувшее страну своего гражданства по причине обоснованного страха быть приговоренным к смерти или подвергнуться телесному наказанию либо пыткам или иным формам бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания (см. главу 4, раздел 2 Закона об иностранных гражданах).

40. Кроме того, если на указанных выше основаниях вид на жительство (разрешение на проживание) не может быть предоставлен, такое разрешение может выдаваться иностранному гражданину, если после общей оценки его ситуации существуют такие особо тревожные обстоятельства (synnerligen ömmande omständigheter), которые позволяют ему остаться в Швеции (см. главу 5, раздел 6 Закона об иностранных гражданах).

41. Что касается исполнения ордера на депортацию или выдворение, следует принимать во внимание риск смертной казни, пыток либо иных форм бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания. Согласно специальному положению об основаниях, препятствующих исполнению ордера, иностранный гражданин не должен высылаться в государство, в котором существуют обоснованные основания предполагать, что он может подвергнуться угрозе смертной казни или телесного наказания, пыткам или иным видам бесчеловечного либо унижающего человеческого достоинства обращения или наказания (см. главу 12, раздел 1 Закона об иностранных гражданах). Кроме того, иностранный гражданин в

принципе не может быть выслан в государство, в котором для него существует угроза преследования (см. главу 12, раздел 2 Закона об иностранных гражданах).

42. При определенных обстоятельствах вид на жительство может быть выдан иностранному гражданину даже тогда, когда в силу вступил ордер на депортацию или выдворение. Согласно главе 12, раздел 18 Закона об иностранных гражданах это правило применяется при возникновении новых обстоятельств, означающих существование обоснованных причин считать, среди прочего, что исполнение такого распоряжения приведет к тому, что иностранному гражданину будет угрожать смертная казнь или телесное наказание, пытки или другие виды бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания, либо когда существуют медицинские показания или иные особые причины для неисполнения ордера.

43. Если вид на жительство согласно главе 12, раздел 18 Закона об иностранных гражданах не может быть предоставлен, Миграционный совет со своей стороны может принять решение о пересмотре дела. Такой пересмотр должен проводиться в том случае, если на основании указанных иностранным гражданином новых обстоятельств можно предположить, что имеют место препятствующие исполнению ордера долгосрочные основания такого рода, как указано в главе 12, разделы 1 и 2 Закона об иностранных гражданах, а также что эти обстоятельства не могли быть упомянуты ранее, либо если иностранный гражданин доказывает, что он имел уважительные причины не упоминать их. Если соответствующие условия не соблюдаются, Миграционный совет принимает решение не проводить пересмотр (см. главу 12, раздел 19 Закона об иностранных гражданах).

44. В соответствии с Законом об иностранных гражданах вопросами права иностранных граждан на въезд и пребывание в Швеции занимаются три органа: Миграционный совет, Миграционный суд и Миграционный апелляционный суд. Однако согласно главе 12, раздел 18 Закона об иностранных гражданах апелляция на решение Миграционного совета об отказе в предоставлении вида на жительство не предусмотрена (см. для сравнения главу 14 Закона об иностранных гражданах).

Согласно Главе 16, раздел 11 Закона об иностранных гражданах, разрешение на подачу апелляции является условием для рассмотрения Миграционным апелляционным судом дела по существу. Разрешение на подачу апелляции предоставляется, если для рекомендаций в применении закона важно, чтобы Миграционный апелляционный суд рассмотрел апелляцию, или в случае наличия чрезвычайных обстоятельств для такого рассмотрения. Согласно Главе 12, раздел 22 Закона об иностранных гражданах, срок действия распоряжения о депортации, которое было выдано органом, не являющимся судом общей юрисдикции (т.е. не является следствием уголовного обвинения), истекает через четыре года после даты вступления в юридическую силу. Таким образом, если распоряжение о депортации теряет силу на основании истечения срока давности, иностранный гражданин может снова подать ходатайство о предоставлении убежища и вида на жительство. За подачей нового ходатайства следует полное рассмотрение Миграционным советом причин, приведенных иностранным гражданином, а решение Совета, если оно отрицательное, может быть обжаловано в Миграционном суде и Миграционном апелляционном суде в соответствии с правилами, применяемыми к обычной процедуре по предоставлению убежища и вида на жительство. Апелляция на

отрицательное решение Совета имеет приостанавливающее действие, и соответственно, иностранный гражданин не может быть выдворен, пока не завершено производство по делу.

45. 30 ноября 2011 года Миграционный апелляционный суд Швеции вынес решение (MIG 5 (25), 2011:29), регламентирующее оценку риска преследования в случаях смены религии *sur place* («на месте»). Он постановил, что при оценке убедительности доказательств иностранного гражданина о том, что его переход из одной веры в другую был искренним в том смысле, что он основывался на истинных личных религиозных убеждениях, должна проводиться индивидуальная оценка в соответствии с Руководством УВКБ ООН по процедурам и критериям определения статуса беженцев согласно Конвенции 1951 года, Протоколу 1967 года, касающимся статуса беженцев (далее – «Руководство УВКБ ООН»), а также Рекомендациями УВКБ ООН по международной защите в отношении заявлений о предоставлении статуса беженца по религиозным мотивам (далее – «Рекомендации УВКБ ООН»). Общая оценка должна проводиться на основании оценки обстоятельств, при которых произошел переход из одной веры в другую, а также того, можно ли ожидать, что заявитель будет жить как новообращенный верующий после возвращения в родную страну. Более того, в случае с лицами, перешедшими в другую веру после того, как они покинули страну происхождения (смена религии «на месте»), особого внимания требует вопрос достоверности. В случае, если переход произошел сразу после того, как решение о выдворении заявителя стало окончательным и не подлежащим обжалованию, особое внимание следует уделять достоверности заявлений, сделанных касательно смены религии. Заявитель, переход которого в другую веру не расценивается как основанный на искренних убеждениях, убедительным образом не продемонстрировал, что после возвращения в страну происхождения он имеет намерение жить там как новообращенный верующий и, следовательно, будет вызывать интерес у властей или окружающих.

46. 12 ноября 2012 года вышла «общая юридическая позиция» генерального директора по юридическим вопросам Миграционного совета Швеции касательно вопросов смены религии как оснований для предоставления убежища, включая смену религии (Rättsligt ställningstagande angående religion som asylskäl inklusive konvertering, RCI 26/2012). Она основывалась на упомянутом выше решении Миграционного апелляционного суда (MIG 5 (25) 2011:29), Рекомендациях УВКБ ООН и решении от 05 сентября 2012 года Суда Европейского союза в деле «Федеративная Республика Германия против И. (С-71/11) и З (С-99/11)» /Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z/ (см. п. 50 ниже). Согласно данной юридической позиции достоверность перехода из одной веры в другую должна получать особо тщательную оценку с целью определения, произошел ли истинный переход; лицо, перешедшее в другую религию, не руководствуясь искренними убеждениями, вероятнее всего не будет исповедовать свою новую религию по возвращении в страну происхождения. Кроме того, если заявитель не заслуживает доверия, следует проанализировать, будет ли он соблюдать правила новой религии по возвращении в страну происхождения. При проведении такого анализа важно рассмотреть вероятность того, стало ли или станет ли известно о смене религии властям либо другому субъекту, потенциально представляющему угрозу. В конце концов, человек, искренне сменивший веру или тот, кому могут быть приписаны новые религиозные взгляды и соответственно рискующий стать объектом преследований, не должен быть вынужден скрывать собственную веру исключительно во избежание преследований.

47. 10 июня 2013 года вышла «общая юридическая позиция» генерального директора по юридическим вопросам Миграционного совета Швеции по вопросам методологии оценки убедительности и достоверности ходатайств о международной защите (Rättsligt ställningstagande angående metod för prövningen av tillförlitlighet och trovärdighet, RCI 09/2013), которая, среди прочего, основывалась на оценке УВКБ ООН в докладе «Beyond Proof; Credibility Assessment in EU Asylum Systems» («Кроме доказательств; Оценка достоверности в системах ЕС по предоставлению убежища») за май 2013 года. В нем заявляется, что именно заявитель обязан подать все необходимые материалы для обоснования его ходатайства о предоставлении международной защиты, и что первоначальное бремя доказывания лежит на заявителе. Однако обязанность по проведению оценки ходатайства о международной защите лежит совместно на заявителе и органе, рассматривающем ходатайство. Кроме того, из той же юридической позиции следует, что доказательства в деле по предоставлению убежища состоят не только из заявлений заявителя, но также включают подкрепляющие доказательства, такие как документы, свидетельские показания и информация о стране.

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

48. Директива Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 года о минимальных стандартах квалификации и статусе граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, в силу иных причин нуждающихся в международной защите, и о содержании предоставляемой защиты (Квалификационная директива), которую заменила Директива 2011/95/EU Европейского Парламента и Совета ЕС о стандартах квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве бенефициаров международной защиты, единого статуса для беженцев или для лиц, имеющих право на дополнительную защиту, и содержания предоставляемой защиты, которая применяется с 09 января 2012 года, предусматривает в соответствующей части следующее:

Статья 4: Оценка фактов и обстоятельств

«1. Государства-члены могут считать, что обязанность заявителя состоит в том, чтобы как можно скорее предоставить все факты, необходимые для того, чтобы обосновать свое ходатайство о международной защите. В сотрудничестве с заявителем государство-член обязано оценить соответствующие элементы ходатайства.

2. Элементы, упомянутые в пункте 1, представляют собой заявления и всю документацию, имеющуюся в распоряжении заявителя относительно его возраста, происхождения, в том числе родственников, личности, гражданства, страны (стран) и места (мест) предыдущего проживания, предыдущих ходатайств о предоставлении убежища, маршрутов передвижения и причин ходатайства о международной защите.

3. Оценка ходатайства о международной защите осуществляется индивидуально и учитывает следующее:

(а) все существенные факты, касающиеся страны происхождения, имеющиеся на момент принятия решения по ходатайству, в том числе законодательство страны происхождения и способы его применения;

(b) существенные заявления и документацию, представленные заявителем, в том числе информацию о том, подвергается или может ли подвергаться заявитель преследованиям или риску нанесения серьезного вреда;

(c) индивидуальное положение и личные обстоятельства заявителя, в том числе такие факторы, как биографические данные, пол и возраст, для того чтобы оценить, приведут ли на основании личных обстоятельств заявителя эти обстоятельства к его преследованию или нанесению серьезного вреда;

(d) были ли действия заявителя, предпринятые после того, как он покинул страну своего происхождения, направлены исключительно или в основном на создание необходимых условий для подачи ходатайства о международной защите, с тем, чтобы оценить, приведут ли эти действия к преследованию или нанесению серьезного вреда такому лицу, если оно будет возвращено в эту страну;

(e) может ли заявитель обоснованно надеяться на предоставление защиты другой страны, где он мог бы получить гражданство.

4. Тот факт, что заявитель уже подвергался преследованиям или нанесению серьезного вреда или подвергался прямым угрозам такого преследования или вреда, является серьезным признаком того, что существуют обоснованные опасения заявителя стать жертвой преследований или реального риска нанесения серьезного вреда кроме случаев, когда есть обоснованные причины для того, чтобы полагать, что такое преследование или серьезный вред не повторятся.

5. Если государство-член применяет принцип, согласно которому обязанность заявителя состоит в том, чтобы обосновать свое заявление, и если утверждения заявителя не подтверждаются документальными или другими доказательствами, они не требуют подтверждения при выполнении следующих условий:

(a) заявитель приложил реальные усилия, чтобы обосновать свое ходатайство;

(b) были предоставлены все необходимые факты, имеющиеся в распоряжении заявителя, и дано удовлетворительное пояснение относительно отсутствия остальных необходимых элементов;

(c) утверждения заявителя являются логически связными и правдоподобными и не противоречат имеющейся конкретной и общей информации по его делу;

(d) заявитель подал свое ходатайство о международной защите при первой же возможности, кроме случаев, когда заявитель может привести уважительные причины, препятствовавшие подаче такого ходатайства;

(e) установлено, что в целом заявитель заслуживает доверия».

Статья 5: Потребности в международной защите, возникающие *sur place* («на месте»)

«1. Обоснованные опасения стать жертвой преследований или подвергнуться реальному риску нанесения серьезного вреда могут опираться на события, которые произошли после того, как заявитель покинул страну своего происхождения.

2. Обоснованные опасения стать жертвой преследований или подвергнуться реальному риску нанесения серьезного вреда могут опираться на действия, предпринятые заявителем после того, как он покинул страну своего происхождения, в частности, если установлено, что действия, на которые он опирается, являются выражением или продолжением убеждений или взглядов, которых заявитель придерживался в стране происхождения.

3. Учитывая положения Женевской конвенции, государства-члены могут определять, что заявителю, подающему повторное ходатайство, обычно не предоставляется статус беженца, если риск преследования основывается на обстоятельствах, которые заявитель создал по своему собственному решению после того, как покинул страну своего происхождения».

Статья 9: Акты преследования

«1. Акты преследования по определению статьи 1(A) Женевской конвенции, должны:

(a) быть достаточно серьезными по своему характеру или повторяемости и представлять собой серьезное нарушение основных прав человека, в частности прав, ущемление которых не допускается согласно пункту 2 статьи 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод;

(b) носить комплексный характер, включая настолько серьезные нарушения прав человека, что они ущемляют интересы лица таким же образом, как указано в подпункте (a).

2. Акты преследования, определенные в пункте 1, могут, в частности, иметь форму:

(a) актов физического или психического насилия, в том числе актов сексуального насилия;

(b) правовых, административных, полицейских и/или судебных мер, которые сами по себе являются дискриминационными или осуществляются дискриминационным способом;

(c) судебного преследования или наказания, которое является несоразмерным или дискриминационным;

(d) отказа в судебном обжаловании, что приводит к несоразмерному или дискриминационному наказанию;

(e) судебного преследования или наказания за уклонение от военной службы в таком конфликте, когда военная служба может включать совершение преступления или актов, подпадающих под действие положений об исключении, предусмотренных в статье 12(2);

(f) актов, направленных против представителей определенного пола или детей.

3. В соответствии со статьей 2(с) должна существовать связь между причинами, перечисленными в статье 10, и актами преследования, определенными в пункте 1».

Статья 10: Причины преследования

«1. Государства-члены принимают во внимание следующие факторы при оценке причин преследований:

(a) понятие расы, в частности, включает такие признаки как цвет кожи, происхождение или принадлежность к определенной этнической группе;

(b) понятие религии, в частности, включает такие признаки, как наличие теистических, нетеистических и атеистических убеждений, участие или неучастие в формальном богослужении публично или частным образом, как индивидуально, так и совместно с другими лицами, другую деятельность религиозного характера или выражение мнения, либо формы личного или общественного поведения, которые основываются на каких-либо религиозных убеждениях или предписываются ими;

...»

49. Директива Совета 2005/85/ЕС от 01 декабря 2005 года (Директива о процедурах предоставления убежища) о минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца была заменена Директивой 2013/32/EU Европейского парламента и Совета от 26 июня об общих процедурах предоставления и лишения международной защиты, которая применяется с 19 июля 2013 года. В первой из упомянутых Директив, среди прочего, устанавливается следующее:

ГЛАВА III: ПРОЦЕДУРА РАССМОТРЕНИЯ В ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

РАЗДЕЛ II

Статья 25: Неприемлемые ходатайства

«1. В дополнение к случаям, когда ходатайство не рассматривается согласно Регламенту (ЕС) № 343/2003, от государств-членов не требуется рассматривать вопрос о квалификации лица в качестве беженца в соответствии с Директивой 2004/83/ЕС, если ходатайство считается неприемлемым в соответствии с настоящей статьей.

2. Государства-члены могут считать ходатайства неприемлемыми в соответствии с настоящей статьей, если:

(...)

(f) заявитель подал повторное ходатайство после принятия окончательного решения;

(...))»

РАЗДЕЛ IV

Статья 32: Повторное ходатайство

«1. Если лицо, подавшее ходатайство о предоставлении убежища в государстве-члене, представляет дополнительную информацию или ходатайствует повторно, то государство-член может рассматривать такую информацию или элементы повторного ходатайства в рамках рассмотрения предыдущего ходатайства или процедуры пересмотра или обжалования в такой степени, в которой компетентные органы могут принять во внимание и рассмотреть все элементы дополнительной информации или повторного ходатайства.

2. Кроме того, государства-члены могут применять специальную процедуру, оговоренную в пункте 3, если лицо подает повторное ходатайство о предоставлении убежища:

(а) после того, как его предыдущее ходатайство было отозвано или прекращено на основании статей 19 и 20;

(b) после того, как было принято решение по его предыдущему ходатайству. Государства-члены могут также применять данную процедуру только после принятия окончательного решения.

3. Повторное ходатайство о предоставлении убежища сначала должно пройти предварительную проверку на предмет того, появились ли после отзыва предыдущего ходатайства или после принятия по нему решения, упомянутого в пункте 2(b) настоящей статьи, новые сведения или элементы относительно того, можно ли квалифицировать лицо в качестве беженца согласно Директиве 2004/83/ЕС, и были ли они предоставлены заявителем.

(...»

ГЛАВА V: ПРОЦЕДУРА ОБЖАЛОВАНИЯ

Статья 39: Право на эффективную правовую защиту

«1. Государства-члены обеспечивают, чтобы заявители, ходатайствующие о предоставлении убежища, имели право на эффективную правовую защиту в суде или трибунале в отношении:

(а) решения, принятого по их ходатайству о предоставлении убежища, в том числе решения:

(i) считать ходатайство неприемлемым в соответствии со статьей 25(2),

...»

50. 05 сентября 2012 года Большая палата Суда Европейского Союза (СЕС) вынесла решение по делу «Федеративная Республика Германия против И (C-71/11) и З (C-99/11) /Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z/. Дело касалось двух соискателей

убежища из Пакистана, заявивших о том, что с ними обращались ненадлежащим образом из-за их принадлежности к мусульманской общине Ахмадие, исламскому реформистскому движению, и по этой причине они были вынуждены покинуть страну происхождения. Власти Германии посчитали, что И и З глубоко придерживались принципов своей веры и это активно сказывалось на их жизни в Пакистане. Они продолжили служение своей религии в Германии и считали, что публичное соблюдение принципов веры было существенным для сохранения ими своей религиозной идентичности. Отсылки к предварительному судебному постановлению касались толкования Статей 2(с) и 9(1) (а) Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 года о минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты. Федеральный административный суд Германии (Bundesverwaltungsgericht) обратился к СЕС с тремя вопросами. Во-первых, суд спрашивал, в какой степени нарушение свободы вероисповедания и, в частности, права человека на открытое и полное выражение своей веры подпадает под категорию «акта преследования» в значении Статьи 9(1)(а) Директивы 2004/83/ЕС. Затем национальный суд спрашивал СЕС о том, должно ли понятие акта преследования ограничиваться нарушениями, которые влияют лишь на то, что называется «очагом» свободы вероисповедания. И наконец, вопрос к СЕС касался того, является ли страх преследования беженца обоснованным в значении Статьи 2(с) Директивы 2004/83/ЕС, если беженец по возвращении в страну происхождения намеревался совершать религиозные действия, которые подвергли бы опасности его жизнь, свободу или неприкосновенность, или было бы, наоборот, целесообразно ожидать, что лицо прекратит практиковать такие действия. В своем заключении СЕС установила следующее:

«1. Статью 9(1) (а) Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 года о минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, в силу иных причин нуждающихся в международной защите, и содержание предоставляемой защиты следует трактовать в том значении, что:

– не всякое вмешательство в право на свободу вероисповедания, которое нарушает Статью 10(1) Хартии Европейского Союза об основных правах, может составлять «акт преследования» по определению этого положения Директивы;

– акт преследования может быть результатом вмешательства во внешнее проявление такой свободы, а также

– с целью определить, может ли вмешательство в право на свободу вероисповедания, которое нарушает Статью 10(1) Хартии Европейского Союза об основных правах, составлять «акт преследования», компетентные органы должны удостовериться с учетом личных обстоятельств соответствующего лица в том, подвергается ли такое лицо в результате реализации такой свободы в своей стране происхождения реальному риску преследования или бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению либо наказанию со стороны одного из субъектов, упомянутых в Статье 6 Директивы 2004/83.

2. Статью 2(с) Директивы 2004/83 следует трактовать как означающую, что опасения преследования заявителя обоснованы, если с учетом личных обстоятельств заявителя

компетентные органы считают, что можно обоснованно предположить, что по возвращении в страну происхождения он будет исповедовать религиозные обряды, тем самым подвергая себя реальному риску преследования. Оценивая ходатайство о предоставлении статуса беженца в индивидуальном порядке, такие органы не могут обоснованно ожидать, что заявитель будет воздерживаться от совершения таких религиозных обрядов».

51. 02 декабря 2014 г. Большая палата СЕС вынесла решение по делу «А (С-148/13), В (С-149/13), С (С-150/13) против Государственного секретаря по вопросам безопасности и правосудия» /А, В, С v. Staatssecretaris van Veiligheid en Justitie/. В нем речь шла о гражданах третьих стран, подавших ходатайство о предоставлении убежища в Нидерландах, потому что опасались преследования в своих странах происхождения, в частности, на почве своей гомосексуальности. Государственный совет Нидерландов (Raad van State) запросил предварительное решение о толковании Статьи 4 Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. касательно того, ограничивает ли законодательство ЕС действия государств-членов при оценке ходатайств о предоставлении убежища, поданных заявителями, опасавшимися преследования в стране происхождения на основании сексуальной ориентации. В своем заключении СЕС установил следующее:

«Статья 4(3)(с) Директивы 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. о минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, в силу иных причин нуждающихся в международной защите, и о содержании предоставляемой защиты, а также Статья 13(3)(а) Директивы 2005/85/ЕС от 01 декабря 2005 г. о минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца должны трактоваться как такие, что запрещают компетентным национальным органам, действующим под контролем судов, в ходе проведения оценки фактов и обстоятельств касательно заявленной сексуальной ориентацией заявителя, ходатайствующего об убежище, ходатайство которого основывается на опасениях преследования на почве такой сексуальной ориентации, подвергать заявления такого заявителя, а также документальные и прочие доказательства, представляемые для обоснования ходатайства оценке такими органами с использованием вопросов, основанных исключительно на стереотипных взглядах по отношению к гомосексуальным лицам.

Статью 4 Директивы 2004/83 следует с учетом Статьи 7 Хартии Европейского Союза по правам человека трактовать как такую, что запрещает компетентным национальным органам в ходе такой оценки проводить подробный опрос касательно сексуальных обычаев заявителей, ходатайствующих о предоставлении убежища.

Статью 4 Директивы 2004/83 следует с учетом Статьи 1 Хартии Европейского Союза о правах человека трактовать как такую, что запрещает упомянутым компетентным органам в ходе такой оценки принимать такие доказательства, как демонстрация соответствующими заявителями, ходатайствующими об убежище, гомосексуальных актов, подвергать их «тестам» с целью установления гомосексуальности или даже записи таких актов на видео.

Статью 4(3) Директивы 2004/83 и Статью 13(3)(а) Директивы 2005/85 следует трактовать как такие, что запрещают компетентным национальным органам в ходе

такой оценки принимать решение о том, что заявления соискателя убежища не заслуживают доверия исключительно по причине того, что заявитель не ссылаясь на свою заявленную сексуальную ориентацию в качестве указания основания для преследования при первой предоставленной ему возможности».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ПРОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ (УВКБ ООН)

52. 28 апреля 2004 года вышли «Рекомендации по международной защите в отношении заявлений о предоставлении статуса беженца по религиозным мотивам» УВКБ ООН, в которых под заголовком «Анализ по существу, А. Определение “религии”», среди прочего указывается следующее:

«...9. Установление искренности веры, идентичности и/или определенного образа жизни не всегда уместно. К примеру, совсем не обязательно, чтобы отдельный человек (или же группа людей) заявляли о том, что они принадлежат к определенной религии, придерживаются какого-то конкретного вероисповедания или же придерживаются каких-либо религиозных обычаев, если субъект преследования приписывает им или связывает их с такой религией, верой или обычаями. Как сообщается в приведенном ниже параграфе 31, иногда заявителю совсем не обязательно знать что-либо о религии или разбираться в ней, если он или она были обозначены другими лицами как принадлежащие к этой конкретной группе, вследствие чего опасаются преследования. Человек (или группа людей) могут подвергаться преследованию по религиозным мотивам даже в том случае, когда этот человек или другие члены группы твердо отрицают то, что их верования, идентичность и/или образ жизни представляют собой “религию”».

Согласно этим рекомендациям религиозные убеждения, идентичность или образ жизни считаются настолько фундаментальными для личностной идентичности, что человек не должен быть вынужден скрывать, изменять или отречься от них во избежание преследования. Ограничения свободы проявления чьей-либо религии или убеждений разрешаются, если эти ограничения предписаны законом и необходимы для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или морали либо основных прав и свобод других людей. Даже несмотря на то, что дискриминация по религиозным мотивам запрещена согласно международному законодательству в сфере прав человека, не всякая дискриминация обязательно достигает уровня, необходимого для признания статуса беженца. Более того, если человек переходит в другую веру после того, как покидает страну происхождения, это может приводить к созданию ходатайства *sur place* («на месте»). В таких ситуациях возникают определенные вопросы о достоверности, поэтому понадобится тщательное и глубокое изучение обстоятельств и искренности перехода в другую веру. К вопросам, требующим оценки, относятся характер религиозных убеждений, связь между верованиями, исповедуемыми в стране происхождения и верованиями, исповедуемыми теперь, разочарование в религии, исповедуемой в стране происхождения, к примеру, в силу взглядов заявителя касательно гендерных вопросов или сексуальной ориентации, а также то, каким образом заявитель узнал о новой религии в стране убежища, его опыт исповедования этой религии, его психическое состояние, а также существование убедительных доказательств вовлеченности в

новую религию и принадлежность к ней. Так называемые «корыстные» действия не создают обоснованного опасения преследования на основании Конвенции в стране происхождения заявителя, если меркантильность таких действий будет очевидна всем, включая органы власти этой страны, а серьезные негативные последствия не возникнут в случае его возвращения.

53. УВКБ ООН также издало «Руководство УВКБ ООН по процедурам и критериям определения статуса беженца согласно Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года о статусе беженцев» (Руководство УВКБ ООН). Пункт 67 Руководства гласит следующее:

«Задачей сотрудника, рассматривающего ходатайство, при изучении обстоятельств дела является установление причины или причин преследования и принятие решения об их соответствии определению Конвенции 1951 года. Очевидно, что причины преследования по этим различным мотивам будут частично совпадать. Чаще всего будет присутствовать более чем один элемент, связанный с одним лицом, например, политическим оппонентом, который принадлежит к религиозной или национальной группе либо к обеим группам одновременно, и сочетание этих причин в одном лице будет иметь значение при оценке его обоснованных опасений».

Важное значение имеет доклад УВКБ ООН «Beyond Proof; Credibility Assessment in EU Asylum Systems» («Кроме доказательств; Оценка достоверности в системах ЕС по предоставлению убежища») за май 2013 года.

V. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА США

54. Постановления Верховного суда США в делах «США против Стигера» /United States v. Steeger, 380 U.S. 163 (1965)/ и «Уэлш против США» от 15 июня 1970 г. /Welsh v. United States/ касались лиц, отказывающихся от воинской службы по религиозным убеждениям, а также «проверки религиозных убеждений», предусмотренной Верховным судом США согласно п. 6(j) Закона о всеобщей воинской подготовке и службе. В первом решении Верховный суд постановил, что проверка религиозных убеждений согласно п. 6(j) касается того, насколько искренни эти убеждения и насколько значимое место они занимают в жизни субъекта, параллельно тому, которое Бог занимает в жизни тех, кто признан имеющим право на исключение согласно положениям об исключении. Таким образом, статус лица, отказывающегося нести воинскую службу по религиозным мотивам, не предполагается для лиц с традиционными религиозными принципами. Во втором решении Верховный суд постановил, что, несмотря на то, что Уэлш опровергал наличие религиозных оснований для своих убеждений, тогда как Сигер охарактеризовал свои пацифистские взгляды как «религиозные», тем не менее была признана правомочность убеждений Уэлша. В частности, среди прочего, было установлено следующее:

[в деле Стигера] Суд ясно дал понять, что эти искренние и целенаправленные убеждения, которые лежат в основе отказа военнообязанного от службы во всех войнах, не должны ограничиваться каким-либо источником или содержанием традиционных либо парафиальных концепций религии. Он постановил, что п. 6(j) «не делает различий между внешними и внутренними убеждениями», там же, 186, а также что «сугубо личные» убеждения, которые некоторые могут считать «неполными» либо «неправильными», подпадают под определение «религиозные убеждения» в

Законе. Там же, 184-185. Согласно делу Сигера для того, чтобы отказ военнообязанного от службы во время всех военных действий был «религиозным» в значении п. 6(j), необходимо, чтобы этот отказ от службы основывался на моральных, этических или религиозных убеждениях военнообязанного по поводу того, что правильно, а что нет, а также чтобы эти убеждения соответствовали силе традиционных религиозных верований. Большинство распространенных религий в настоящее время и в прошлом воплощали в себе идею Верховной сущности или Верховной реальности – Бога, который общается с человеком в виде некоего совестливого понимания того, что правильно и что следует делать, что неправильно и, следовательно, чего стоит избегать. Если человек имеет глубокие и искренние убеждения, которые являются вполне этичными или моральными по источнику и содержанию, однако все равно возлагают на него долг совести по воздержанию от какого-либо участия в каких-либо военных действиях в какое-либо время, такие убеждения определенно занимают в жизни такого человека «место рядом с тем, которое занимает ... Бог» у лиц, придерживающихся традиционных религиозных взглядов. Поскольку его убеждения исполняют в его жизни функцию религии, такой человек имеет полное право на исключение в силу отказа от военной службы по «религиозным» мотивам согласно п. 6(j), как любой человек, неприятие войны которого основано на традиционных религиозных убеждениях.

VI. СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПО ХОДАТАЙСТВАМ ЗАЯВИТЕЛЕЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УБЕЖИЩА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ

55. Вспомогательная справочная информация содержится в отчете Министерства внутренних дел Великобритании «Иран, информация о стране происхождения» от 26 сентября 2013 года, в котором среди прочего описываются «Исторические и последние события» (главы 3 и 4), «Повестки в суд» (глава 11.53) и «Зеленое движение» (глава 15.49). Интерес также представляет доклад Специального докладчика ООН по ситуации с правами человека в Исламской Республике Иран от 13 марта 2011 года, а также отчет Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании «Иран, страна, вызывающая обеспокоенность» от 10 апреля 2014 года.

56. Сразу после выборов, прошедших в Иране 12 июня 2009 года, 01 октября 2009 года Комитет по политическим вопросам Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) принял декларацию, в которой расценивает подавление иранскими властями мирных протестов как серьезное нарушение прав человека иранских граждан. Также в отчете содержался призыв к правительствам других стран не высылать иранских граждан обратно в Иран. Кроме того, Отчет Государственного департамента США по правам человека в Иране за 2010 год в разделе 2 «Свобода слова и свобода прессы/интернета» (08 апреля 2011 года) содержит следующую информацию:

«Правительство мониторит связь через интернет, особенно в социальных сетях, таких как Facebook, Twitter и YouTube, и собирало идентифицирующую информацию о гражданах в связи с мирным выражением взглядов. Правительство угрожало, запугивало и арестовывало граждан, которые размещали комментарии с критикой правительства в интернете...»

В Методических рекомендациях Министерства внутренних дел Великобритании по Ирану за ноябрь 2011 года заявлялось следующее: «3.7.11 ... Существует реальный риск того, что известные активисты и политические конкуренты, которые попали в зону внимания властей, по возвращении в Иран столкнутся с реальным риском преследования, поэтому должны получить убежище на основании своей политической позиции».

VII. СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПО ХОДАТАЙСТВАМ ЗАЯВИТЕЛЕЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УБЕЖИЩА НА ОСНОВАНИИ СМЕНЫ РЕЛИГИИ

57. Документ «Актуальная информация по ситуации с новообращенными в христианство в Иране», подготовленный в июне 2014 года Иммиграционной службой Дании, среди прочего, содержал следующие данные:

«1.2.1 Обвинения, которые впоследствии используются против новообращенных в христианство

По словам одной международной организации в Турции, несмотря на то, что вероотступничество не упоминается в иранском уголовном кодексе, были случаи в прошлом, когда судьи выносили решения о совершении вероотступничества и основывали такие решения на знаниях судьи, приводя выдержки из исламского права. Упоминается дело Пастора Судманда, который в 1990 году был казнен по обвинениям в вероотступничестве. Также упоминается, что в 1994 году другой пастор, Пастор Мехди Дибаж, был обвинен в вероотступничестве, освобожден, а затем найден убитым в лесу. С 1990 года сообщения о приговорах к смертной казни за вероотступничество в Иране для лиц, перешедших из ислама в христианство, отсутствовали. Последнее дело, в котором новообращенный был обвинен в вероотступничестве, касалось Юсефа Надерхани, пастора Церкви Ирана. Это дело широко освещалось в международных СМИ. Он был приговорен к трем годам тюремного заключения.

В 2009-2010 годах, когда стало известно о деле Надерхани, режим стал оказывать давление на суды, чтобы те использовали обвинения в вероотступничестве в делах, связанных с перешедшими в другую веру. Однако суды неохотно соглашались, поскольку дела, связанные с вероотступничеством, находились в компетенции специальных религиозных судов для духовенства. Согласно закону исключительно религиозные суды имели право рассматривать обвинения в вероотступничестве, и соответственно, такие обвинения могли применяться только в тех случаях, когда веру менял представитель духовенства. С другой стороны в нерелигиозных судах дела, касающиеся перешедших в другую веру, чаще основывались на обвинениях в нарушении общественного порядка, чем в вероотступничестве.

С 2011 года единственным значительным изменением в манере обращения властных структур с перешедшими в христианство является закрепление принципа, что вероотступничество не применяется к перешедшим в христианство. С 2009 по 2011 гг. иранские власти заявляли, что домашние церкви были связаны с внешними движениями, например, с движениями сионистов, и с организациями за границей, например, в США. Режим считает деятельность проповеднических движений движущей силой, направленной против иранского режима. В результате, проповеднические церкви и домашние церкви рассматриваются с точки зрения

национальной безопасности. Такая позиция режима поясняет, почему в некоторых делах, касающихся новообращенных верующих, особенно лидеров домашних церквей, присутствовали обвинения больше политического характера.

Что касается дела Юсефа Надархани, организация «Всемирная христианская солидарность» (Christian Solidarity Worldwide, CSW) заявила, что насколько ей известно, Надархани все еще проживает в Раште и продолжает выполнять обязанности пастора. После дела Надархани, в котором обвинения в его адрес были опровергнуты, в Иране обвинения в вероотступничестве к христианам не применялись. Сегодня все обвинения против новообращенных верующих и пасторов/лидеров домашних церквей имеют политический характер: их связывают с предполагаемой угрозой для национальной безопасности или угрозой шпионажа, включая связи с иностранными органами и врагами ислама, в том числе с сионистами.

...

1.6. Ситуация с новообращенными верующими, которые возвращаются в Иран после перехода в другую религию за границей, т.е. в Европе/ странах Запада.

Мансур Боржи пояснил, что 20 лет назад в Иране новообращенному в христианскую веру можно было получить крещение в церкви. Со временем церквям, которые проводили крещения, приходилось расплачиваться за это, и из-за постоянного давления эта возможность исчезла. С 2006-2007 гг. крещение новообращенных в иранских церквях больше не проводится, поскольку никто не готов идти на риск и проводить обряд крещения. Постепенно перешедшие в христианство начали уезжать в Турцию и другие соседние страны для проведения обряда крещения. На вопрос о том, проводят ли церкви в стране обряды крещения, источник ответил, что некоторые возможно и проводят. Что касается ситуации с теми новообращенными, которые возвращаются в Иран после получения обряда крещения за границей, будь-то в Турции, Армении, ОАЭ или другой стране, источник предположил, что такой человек может тихо вернуться в Иран и не столкнуться с какими-либо проблемами. Если же человек уже попал в поле зрения властей, он рискует столкнуться с определенными последствиями по возвращении в Иран. Согласно АИС сложно получить информацию о потенциальных рисках, с которыми человек может столкнуться, вернувшись в Иран после перехода в другую веру за границей. Если иранские осведомители будут собирать информацию о том человеке, который вернулся в Иран, власти могут арестовать его для допроса. Возможно, что за арестом и допросом последует обвинительный приговор. В группе риска большая группа людей: студенты, политические активисты, члены семей политиков, а также лица, перешедшие в христианство. Что касается вопроса о том, может ли в Иране привлечь внимания со стороны властей тот факт, что человек был крещен за границей, АИС считает, что важность крещения уравнивается таким образом, каким иранские власти воспринимают новообращенного. Человек, посещавший обучение и собрания за границей, может считаться новообращенным в христианство несмотря на то, что не был официально окрещен. На вопрос о положении новообращенных, вернувшихся в Иран после смены религии за границей, т.е. в Европе или в одной из западных стран, Мансур Боржи ответил, что различия в том, как иранские власти отнесутся к такой ситуации, не будет. Если человек властям уже известен, и они проявляли интерес к нему до того, как он уехал из страны, для него может существовать определенный риск по возвращении обратно. В случае, если человек властям неизвестен, источник

не считает, что для него будут существовать какие-либо серьезные риски. Источник упоминал случай одной семьи, в адрес которой по возвращении в Иран последовали угрозы, за членами семьи следили и запугивали. Было мнение, что, возможно, родственники или другие люди донесли на них властям, что и вызвало преследование. В итоге семья снова покинула Иран. Они начали тайно посещать домашнюю церковь. Что касается последствий для человека по возвращении в Иран после перехода в другую веру за границей, организация «Всемирная христианская солидарность» утверждает, что любой человек, сменивший религию и желающий исповедовать новую веру по возвращении, столкнется с серьезным риском. И не имеет значения, где человек был крещен: в соседней стране, в Европе или в США. Если человек возвращается в Иран и не пропагандирует христианство, факт остается фактом: такой человек оставил «веру» (шиизм), а значит несет угрозу для существующего режима. На вопрос о последствиях возвращения в Иран после крещения за границей организация Эламского духовенства (Elam Ministries) отвечает, что много иранских граждан уезжают за границу и через некоторое время возвращаются. Если властям Ирана становится известно о том, что человек был крещен за границей, он рискует подвергнуться допросам и репрессиям. Источник считает, что власти могут узнать о том, что человек прошел обряд крещения, через осведомителей и прослушивание телефонных звонков или отслеживания общения в интернете. На вопрос о том, как окрещенные за границей живут как христиане после возвращения в Иран, ответ заключался в том, что иранские неофиты нуждаются в крещении по причине своего исламского прошлого. После принятия обряда крещения психологически легче вести христианский образ жизни. После крещения человек часто заметно демонстрирует изменения в поведении, которые становятся очевидны окружающим. Говоря из своего опыта, лидер иранской сети утверждал, что после перехода в христианство он перестал сквернословить и сердиться, как раньше, и разумеется, это изменение в поведении было замечено членами его семьи и окружающими. Также после того, как человек становится христианином, он получает задание делиться своей верой с другими. Проповедь является частью учения Библии, и согласно Евангелию от Матфея человек должен рассказывать об Иисусе людям. Новообращенные христиане желают соблюдать это правило, и именно тех, кто проповедует, власти хотят остановить. Считается, что люди, возвращающиеся из стран Запада после перехода в другую религию, должны быть очень осторожны, совершая проповедническую деятельность. Если говорить о положении человека, перешедшего в другую веру в Европе, а затем возвратившегося в Иран, можно сказать, что его положение в значительной мере такое же, как и у иранских граждан, обратившихся в другую веру в Иране. Такие лица должны будут уйти в подполье и не говорить открыто о том, что сменили религию. Если этот факт откроется или о нем доложат властям, существует риск того, что таких людей будут подозревать в связях с иностранными организациями, так же, как и новообращенных, живущих в Иране. Источник также сообщает, что те, кто пребывает за пределами Ирана в течение длительного времени, могут подвергаться большему риску, поскольку власти могут заподозрить их в шпионаже. Более того, по словам источника, это касается не только верующих, перешедших в христианство, но и других иранских граждан. На вопрос о ситуации с новообращенными, которые возвращаются в Иран после посещения Турции или другой страны и встречаются с другими прихожанами, представители Церкви единения сообщили делегации, что если новообращенные христиане ведут себя «тихо», т.е. не контактируют с другими прихожанами, они не могут быть раскрыты, а посещение иностранного государства не особо для них что-то изменит. Источник не считает, что для человека, вернувшегося в Иран после крещения в стране Запада, риск

будет меньше, если он будет отрицать факт крещения и пояснит, что это часть его стратегии посещения Запада. Отрицание может подействовать на родственников, но вероятно не на государственные органы. Перешедшие в другую веру в Иране подлежат аресту, пыткам и казни; как правило, они не заявляют о своей религии в заявлениях о приеме на работу или в школу. Согласно информации представителей Церкви единения, даже если о смене религии неизвестно властям, новообращенные верующие могут быть отвергнуты и даже «убиты во имя чести» своими родными. Этническим христианским меньшинствам (армянам, ассирийцам) позволено встречаться и молиться при строго контролируемых условиях. Источник сообщает, что они тоже испытывают трудности, которые частично освещаются в прессе.

58. В докладе Министерства внутренних дел Великобритании «Иран, информация о стране происхождения» от 26 сентября 2013 года, среди прочего, сообщается следующее:

«19.01 В «Докладе о преследованиях христиан в Иране», подготовленном Всепартийной парламентской группой христиан в парламенте (APPG) и опубликованном в октябре 2012 года, сообщается следующее: до революции считалось, что в Иране к религиозным меньшинствам относятся с сочувствием, а Иранская конституция содержит гарантии основных прав человека, в том числе свободы выражения мнения, а также принцип защиты от пыток и произвольного ареста. Статья 23 Конституции Ирана гласит: «Расследование убеждений граждан запрещено; никто не может преследоваться либо привлекаться к ответственности лишь на основании определенных убеждений. Однако эти права подчиняются более общему принципу, согласно которому в любом конфликте права преимуществом обладает закон шариата, поэтому данные положения конституции не остановили распространенной практики проведения допросов и наказания иранцев на основании сугубо религиозных убеждений».

19.02 В том же докладе Всепартийной парламентской группы христиан также отмечается, что конституция Ирана предусматривает защиту свободы вероисповедания для христиан, евреев и зороастрийцев, а также что существует система регистрации немусульманских мест для молитвы. Однако в реальности даже официально признанные церкви сталкиваются с жесткими ограничениями свободы вероисповедания.

...»

Религиозная демография

«19.09 Книга фактов Центрального разведывательного управления (ЦРУ), обновленная 22 августа 2013 г., информация взята 11 сентября 2013 г., содержит следующую классификацию религиозных групп в Иране: мусульмане (официальная религия) 98% (шииты 89%, сунниты 9%), прочие (сюда относятся зороастрийцы, иудеи, христиане и бехаисты) 2%».

...

Проект закона о вероотступничестве

«19.21 В отчете Международной кампании по правам человека в Иране (2013 г.) «Цена веры» говорится: «Согласно новому уголовному кодексу Ирана, который еще должен быть окончательно утвержден, вероотступничество остается некодифицированным правонарушением. Тем не менее, кодекс содержит ссылку на Статью 167 Конституции Ирана, которая дает прямое указание судьям использовать исламские источники права в случае, если кодекс не охватывает преступления или наказания. Это оставляет возможность для продолжения практики применения правовых актов, согласно которым вероотступничество является преступлением, караемым смертной казнью».

...

Преследование вероотступников

«19.23 Касательно преследования вероотступников в Докладе Landinfo (2011 г.) сообщается: «На практике очень редко людей признают виновными в вероотступничестве». Однако в том же источнике отмечается: «Обвинение в вероотступничестве перешедших в другую веру становится все более распространенным... Официальные обвинения в вероотступничестве перешедших в другую веру имели место в Иране относительно редко, однако угроза таких обвинений возникает во время судебного рассмотрения как средство давления на перешедших в другую веру, чтобы вынудить их объявить о своем раскаянии и желании вернуться в ислам. Во многих случаях суд принимал решение освободить новообращенного верующего без каких-либо обвинений или выносил другие обвинения, например, в участии в незаконных домашних церквях или в связях с иностранными СМИ».

19.24 В отчете Международной кампании по правам человека в Иране «Цена веры» сообщается следующее: “Кампании удалось задокументировать три случая обвинения христиан в вероотступничестве: это дела Мехди Дибаж, Юсефа Надархами и Хуссейна Судманда. В деле Хуссейна Судманда христианин был казнен за вероотступничество. Судманд, перешедший в христианство пастор, был арестован в 1990 году. Спустя два месяца в тюрьме, во время которых он, по сообщениям, не захотел отказываться от своей веры, Судманд был казнен через повешение. Проводился ли в отношении него суд, неизвестно. Надархани, также перешедший в христианство пастор, был арестован в 2009 году и впоследствии приговорен к смерти. Повторное рассмотрение его дела, на которое было дано разрешение после апелляции, привлекло международное внимание; после давления со стороны ООН, Европейского Союза, международных организаций по правам человека и Ватикана его оправдали по обвинениям в вероотступничестве, а приговор заменили тремя годами тюремного заключения по обвинениям, связанным с проповеднической деятельностью. В 2012 году после окончания срока заключения он был освобожден”.

...

Христиане

«Этот раздел следует рассматривать совместно с разделами о вероотступничестве, преследовании вероотступников и лиц, перешедших из ислама в христианство.

“19.31 Отчет 2013 года организации «Международная кампания по правам человека в Иране» (ICHR) «Цена веры» содержит следующую информацию: «В Иране отсутствуют точные статистические данные по количеству христиан и, в частности, верующих перешедших в христианство, из-за отсутствия достоверных социологических опросов. В 2010 году исследовательская группа «Всемирная база данных христиан» (WCD) насчитала в Иране 270 057 христиан или приблизительно 0,36 процентов от всего иранского населения, составляющего 74,7 миллионов. В Иране две основных категории христиан: этнические и неэтнические. Большинство – этнические христиане, а именно армяне и ассирийцы (или халдеи), которые имеют собственные языковые и культурные традиции. Большинство этнических христиан относятся к православной церкви. Неэтнические христиане в большинстве своем являются прихожанами протестантской церкви и многие из них, хотя и не все, перешли в эту веру из ислама. По данным Всемирной базы данных христиан в 2010 году в Иране насчитывалось 66 700 христиан-протестантов, что составляет около 25 процентов иранского христианского сообщества. Иранское правительство не признает новообращенных христианами, и многие неопиты не заявляют о своей вере публично из-за страха преследования. Таким образом, скорее всего, количество неопитов в Иране недооценивается. Несколько иранских христианских организаций заявили Кампании, что количество новообращенных в христианство может составлять 500 000 человек, однако дать независимое подтверждение этим цифрам невозможно».

Мусульмане, перешедшие в христианство

...

«19.53 В отчете организации «Всемирная христианская солидарность» за июнь 2012 года сообщается:

“С начала 2012 года отмечалось значительное увеличение интенсивности преследования, количества арестов, судебных процессов и заключения под стражу лиц, перешедших в христианство, в разных городах по всему Ирану, причем особенно строгие меры принимаются по отношению к группам и отдельным лицам в Тегеране, Керманшахе, Исфахане и Ширазе. Хотя некоторые из этих задержанных были освобождены после того, как их попросили подписать документы, запрещающие им посещать христианские собрания, многие другие остались под стражей, в том числе женщины и пожилые люди. Особенно заметно количества арестов выросло в феврале 2012 года, процесс продолжался и в марте. И снова, для временного освобождения задержанных христиан назначались космические суммы залогов. Новая волна репрессий повлияла как на движение домашних церквей, так и на разрешенные в государстве конфессии. Последнее стало результатом цепочки событий, которые происходили в конце 2011 года, когда правительство совершило налет на церковь в Ахвазе, относящуюся к разрешенному движению Ассамблей Божьих, арестовав всех посетителей, в том числе детей, посещавших воскресную школу. Несмотря на то, что прямые нападения на разрешенные церкви были редки в 2011 году, в 2012 имели место аресты лидеров англиканской церкви Св. Павла и Св. Петра в третьем по величине городе Ирана – Исфахане. В мае [2012] г. сообщалось, что главу церкви Св. Павла, пастора Хекмат Салими, временно освободили под залог в размере приблизительно 40 000 долларов. Более подробную информацию см. непосредственно в отчете организации «Всемирная христианская солидарность».

19.54 08 сентября 2012 года газета «Гардиан» обнародовала информацию об освобождении из тюрьмы христианского пастора Юсефа Надархани, отметив, однако, что “По сообщению Иранского христианского новостного агентства в апреле [2012 г.] другой пастор, Фаршид Фатхи, возраст 33 года, стал последней жертвой преследования государством новообращенных после того, как революционный суд приговорил его к шести годам тюремного заключения.” В докладе Комиссии США по международной религиозной свободе за 2013 год отмечалось: “Часть доказательств, представленных на суде, касались того, что Фатхи хранил и распространял Библию и христианскую литературу на фарси. Несколько месяцев он провел в одиночной камере и до сих пор остается в тюрьме.”

19.55 В Совместном отчете Иммиграционной службы Дании, Норвежской организации LANDINFO и Датского совета по делам беженцев по результатам миссии по установлению фактов в Тегеран, Иран, Анкару, Турция, и Лондон, Великобритания «О переходе в христианство, вопросы касаются курдов и протестующих против результатов выборов 2009 года, а также юридические вопросы и процедуры выхода» с 09 ноября по 20 ноября 2012 г. и с 08 января по 09 января 2013 г., опубликованном в феврале 2013 года [Датский отчет по установлению фактов 2013], заявлено о риске преследования, которому подвергаются перешедшие в христианство. Большинство источников, с которыми проводились консультации, предпочли остаться анонимными. В отчете содержится ряд наблюдений:

«Международная организация в Анкаре заявила, что власти воспринимают проповеднические сети как такие, что ведут определенную разведывательную деятельность и чаще преследуют евангелистов и проповедников. Власть предпочитает не преследовать отдельных новообращенных, однако если их деятельность становится более организованной, это уже другой вопрос. Также заявлялось, что власти, к примеру, не отключают спутниковые телеканалы, транслирующие христианское ТВ. По словам источника, власти не преследуют членов домашних церквей, а чаще пытаются поймать «крупную рыбу», т.е. организаторов и проповедников, поскольку они считаются угрозой для общества. Проповедники, распространяющие информацию о христианстве, подвергаются большему риску, чем другие, и, по словам источника, на поимку проповедников, т.е. пасторов, тратятся огромные усилия. На вопрос о том, что может привести к преследованию перешедшего в христианство, посольство одной из западных стран отмечает, что осуществление проповеднической деятельности или активное публичное проявление чьей-либо принадлежности к христианству вызовет риск негативного внимания со стороны властей и создаст проблемы. Само по себе ношение нательного крестика проблемой не является. Также сообщается, что несмотря на это риск для такого человека может зависеть и от того, чем он занимался в прошлом, к примеру, если его предыдущая деятельность была замечена властями».

...

19.58 16 июня 2013 г. Мохабат сообщил следующее:

По сообщениям Mohabat News, революционный суд в Ширазе вручил приговор Мойтабе Сейед-Алэдин Хуссейн, Мохаммаду-Реза Партэю (Курош), Вахиду Хаккани и Хомаюну Шукухи их адвокатам. Все четыре христианина были признаны виновными в посещении домашней церкви, распространении христианства, связи с

иностранным духовенством, пропаганде против режима и подрыве национальной безопасности. Каждый был приговорен к трем годам и восьми месяцам тюремного заключения».

...

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ

A. Правительство

59. На слушании 03 декабря 2014 года Правительство указало на то, что в интересах производства Суду следует вынести свое решение до 08 июня 2015 года, поскольку согласно Главе 12, разделу 22 Закона Швеции об иностранных гражданах в этот день истечет срок действия ордера на депортацию.

60. В своих последующих аргументах от 23 июня 2015 года Правительство ходатайствовало перед Большой Палатой о прекращении производства по данному делу по аналогии, например, с делом «П.З. и другие против Швеции» /P.Z. and Others v. Sweden/ ((прекращено), № 68194/10, пп. 14-17, 18 декабря 2012 г.).

61. Правительство заявило, что ордер на депортацию больше не имеет силы, что Заявитель не может быть выслан из Швеции на основании этого ордера, а также что ему будет обеспечено полное рассмотрение дела по существу по обычной процедуре после подачи нового ходатайства о предоставлении убежища. Таким образом, ссылаясь на Статью 37, п. 1(с) Конвенции, Правительство считает, что продолжать рассмотрение ходатайства нецелесообразно, а также что отсутствуют какие-либо особые обстоятельства в отношении соблюдения прав человека, как это определено в Конвенции и Протоколах к ней, которые требуют дальнейшего рассмотрения дела (Статья 37, п. 1 *in fine* /в конце/).

62. Если Большая палата не прекратит производство по делу, по мнению Правительства его следует объявить неприемлемым, поскольку Заявитель не может утверждать, что является жертвой (по определению Статьи 34 Конвенции) распоряжения о депортации, которое больше не является действительным. Соответственно, его жалоба не соответствует положениям Конвенции по определению п. 3(а) Статьи 35 *ratione personae* («в силу обстоятельств, связанных с соответствующим лицом») и должна быть объявлена неприемлемой согласно п. 4 Статьи 35.

63. В связи с этим, поскольку теперь Заявитель может подать новое ходатайство о предоставлении убежища, которое будет рассматриваться всеми соответствующими органами по существу, он не исчерпал все внутренние средства правовой защиты. Таким образом в качестве альтернативы Правительство предлагает объявить настоящую жалобу неприемлемой по причине неисчерпания всех внутренних средств правовой защиты согласно Статье 35, пп. 1 и 4, Конвенции.

B. Заявитель

64. По утверждению Заявителя, он желает продолжить рассмотрение жалобы и обратился к Суду с просьбой перейти к рассмотрению жалобы по существу. Если Суд прекратит рассмотрение данного дела, он вынужден будет вновь подать ходатайство о предоставлении убежища. В таком случае он планирует ссылаться на переход в христианство в качестве основания для получения убежища.

65. По мнению Заявителя, «вопрос», стоящий перед Большой палатой, не может считаться разрешенным в целях Статьи 37, п. 1(b) до 08 июня 2015 г., когда истечет срок действия приказа о депортации Заявителя. Он указал на то, что власти Швеции не предоставили ему убежище или вид на жительство в Швеции в отличие, например, от заявителей в делах «М.Е. против Швеции» /M.E. v. Sweden/ ((прекращено) [GC], № [71398/12](#), 8 апреля 2015 г.) и «В.Г. против Швеции» /W.H. v. Sweden/ ((прекращено) [GC], № [49341/10](#), 8 апреля 2015 г.). Следовательно, нельзя утверждать, что он больше не подвергается риску выдворения.

66. Также нельзя сказать, что продолжение рассмотрения ходатайства в целях Статьи 37, п. 1(c) более не является целесообразным.

67. Так или иначе, в деле поднимаются серьезные вопросы фундаментального значения, поэтому соблюдение прав человека требует от Большой палаты продолжения рассмотрения дела.

68. Заявитель указал на то, что при прекращении производства по делам, среди прочего, дел «Атаева и Бурман против Швеции» /Atayeva and Burman v. Sweden/ ((исключение), № [17471/11](#), 31 октября 2013 г.); «П.З. и другие против Швеции» /P.Z. and Others v. Sweden/ (цитируется выше); а также «Б.З. против Швеции» /B.Z. v. Sweden/ ((производство прекращено), № [74352/11](#), 18 декабря 2012 г.) на основании Статьи 37, п. 1(c), Суд не выносил решения на уровне Палаты.

69. Однако в данном деле Палата вынесла решение, дело было передано Большой палате и было проведено слушание. Во время каждого из этих этапов Правительство всеми силами отрицало жалобы Заявителя, и Палата вынесла решение не в его пользу. Таким образом, прекращение производства по делу сейчас приведет к существенной предвзятости по отношению к Заявителю.

70. Более того, Заявитель настаивает на том, что в процедуре рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища были допущены недочеты. Если Большая палата не вынесет решения по таким предполагаемым недочетам, существует очевидный риск того, что предыдущие решения, в том числе решение Палаты, будут некритически рассматриваться государственными органами и национальными судами как безошибочные. В любом случае это наносит Заявителю существенный ущерб при подаче нового ходатайства о предоставлении убежища на фоне нескольких потенциально ошибочных решений в отношении рисков, которые его ожидают по возвращении в Иран. По мнению Заявителя, нецелесообразно подвергать его этой процедуре, если Большая палата имеет возможность сейчас вынести решение по таким предполагаемым недочетам и так близка к разрешению дела.

71. В заключение он указал на то, что стороны процесса и третьи лица испытывали значительные трудности при подготовке и подаче детальных представлений по делу, а

Большая палата затратила усилия и понесла финансовые расходы при проведении слушаний по делу. Такие расходы и усилия будут просто потрачены зря, если сейчас остановить производство по данному делу. Это нецелесообразно.

С. Оценка Суда

72. Статья 37, п. 1, Конвенции гласит:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

(a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

(b) спор был урегулирован; или

(c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней.

73. Суд считает, что согласно его устоявшейся практике в делах, которые касаются выдворения заявителя из государства-ответчика, как только заявитель получает вид на жительство и риск его выдворения из государства исчезает, суд считает дело урегулированным по определению Статьи 37 § 1 (b) Конвенции и прекращает производство по таким делам (см., например, дело «М.Е. против Швеции» /M.E. v. Sweden/, цитируется выше, п. 32; «Х против Норвегии» /H v. Norway/ (реш.), № 51666/13, 17 февраля 2015 г.; «И.А. против Нидерландов» /I.A. v. the Netherlands/ (реш.), № 76660/12, 27 мая 2014 г.; «О.Г.О. против Великобритании» /O.G.O. v. the United Kingdom/ (реш.), № 13950/12, 18 февраля 2014 г.; «Исман против Швейцарии» /Isman v. Switzerland/ (реш.), № 23604/11, 21 января 2014 г.; «М.А. против Швеции» /M.A. v. Sweden/ (реш.), № 28361/12, 19 ноября 2013 г.; «А.Г. против Швеции» /A.G. v. Sweden/ (реш.), № 22107/08, 6 декабря 2011 г.; а также «Сарвари против Австрии» /Sarwari v. Austria/ (реш.), № 21662/10, 3 ноября 2011 г.). Причина заключается в том, что Суд систематически подходит к данному вопросу как к одному из потенциальных нарушений Конвенции, считая, что угроза нарушения устраняется за счет решения, которым заявителю предоставляется право проживания в рассматриваемом государстве-ответчике (см. дело «М.Е. против Швеции» /M.E. v. Sweden/, цитируется выше, п. 33).

74. Кроме того, в некоторых случаях, когда заявитель не получил вид на жительство, Суд считал более не целесообразным продолжать рассмотрение дела на основании Статьи 37, п. 1(c) Конвенции и решал прекращать производство по делу, поскольку на основании доступной информации было ясно, что заявитель ни в данный момент, ни в ближайшем будущем не будет подвергаться риску выдворения, и против него не будут совершаться действия, потенциально нарушающие Статью 3 Конвенции, а также поскольку заявитель мог оспорить будущее выдворение в государственных органах (см., среди прочего, дела «И.А. против Нидерландов» /I.A. v. the Netherlands/, цитируется выше; «П.З. и другие против Швеции» /P.Z. and Others v. Sweden/, цитируется выше, пп. 14-17; «Б.З. против Швеции» /B.Z. v. Sweden/, цитируется выше,

пп. 17-20; а также, с соответствующими изменениями, согласно Статье 8 «Атаева и Бурман против Швеции» /Atayeva and Burman v. Sweden/, цитируется выше, пп. 19-24).

75. Во всех указанных выше делах Суд постановил, что отсутствуют особые обстоятельства в отношении соблюдения прав человека, как это определено в Конвенции и Протоколах к ней, что потребовало бы продолжения рассмотрения дела (Статья 37, п. 1 *in fine* /в конце/).

76. Однако в делах, указанных выше, в пункте 74, если риск выдворения исчезает до принятия какого-либо решения о неприемлемости ходатайства, Суд иногда объявлял такое ходатайство неприемлемым в силу того, что заявитель более не мог жаловаться на то, что он жертва по определению Статьи 34 Конвенции (см., среди прочего, дело «Ацаев против Чешской Республики» /Atsaev v. the Czech Republic/ (реш.), № 14021/10, 7 июля 2015 г.; «Тухтамуродов против России» /Tukhtamurodov v. Russia/ (реш.), № 21762/14, 20 января 2015 г.; «Андреев против Эстонии» /Andreyev v. Estonia/ (реш.), № 42987/09, 22 января 2013 г.; «Этанжи против Франции» /Etanji v. France/ (реш.), № 60411/00, 1 марта 2005 г.; «Пелламби против Франции» /Pellumbi v. France/ (реш.), № 65730/01, 18 января 2005 г.; а также «Виджаянатан и Пуспараджах против Франции» /Vijayanathan and Pusparajah v. France/, 27 августа 1992 г., п. 46, Серия А № 241-В). Слово «жертва» в Статье 34 Конвенции в действительности означает лицо, испытывающее на себе непосредственное негативное воздействие или рискующее испытать на себе непосредственное негативное воздействие соответствующего действия или бездействия.

77. В данном деле Суд считает, что согласно Статье 12, раздел 22, Закона об иностранных гражданах срок действия распоряжения о депортации, вступившего в законную силу 08 июня 2011 года, когда Миграционный апелляционный суд отказал в предоставлении разрешения на подачу апелляции (см. пункт 31 выше), истек по прошествии четырех лет, то есть 08 июня 2015 года. Таким образом, ордер на депортацию утратил исковую силу по истечении срока действия и не может быть исполнен.

78. Неоспоримо то, что Заявитель имеет право начать новую полную процедуру рассмотрения ходатайства о получении убежища. В случае, если он так поступит, его требования будут рассматриваться по существу Миграционным советом, а в случае обжалования - судами. Заявитель утверждает (см. пункт 64 выше), что если Суд прекратит рассмотрение дела, он вновь подаст ходатайство о предоставлении убежища и будет ссылаться на свой переход в христианство в качестве основания для получения убежища.

79. Однако сейчас Заявитель находится в состоянии неопределенности. В Швеции ему не предоставили убежища или вид на жительство, и во время еще одной новой процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища он неизменно будет оставаться в неопределенной ситуации по вопросам, на которые он ссылается на основании Статей 2 и 3 Конвенции в данном ходатайстве. Признавая это, Суд не убежден в том, что Заявитель полностью утратил свой статус жертвы. Тем не менее, в соответствии с судебной практикой, упомянутой выше в пункте 74, Суд полагает, что в принципе, возможно, что продолжение рассмотрения ходатайства более нецелесообразно (Статья 37, п. 1(с) Конвенции).

80. Остается определить, присутствуют ли в данном деле особые обстоятельства, связанные с соблюдением прав человека, как это определено в Конвенции и Протоколах к ней, которые требуют продолжения рассмотрения дела (Статья 37, п. 1 *in fine* /в конце/).

81. Следует напомнить, что 02 июня 2014 года дело было передано в Большую палату в соответствии со Статьей 43 Конвенции, согласно которой передача дел возможна, если в них поднимается «серьезный вопрос, влияющий на толкование или применение Конвенции или Протоколов к ней, либо серьезный вопрос общего значения».

82. Суд отмечает, что в данном деле речь идет о важных вопросах, особенно что касается обязанностей, которые должны соблюдать стороны процедуры по предоставлению убежища. Таким образом, влияние данного дела выходит за рамки ситуации конкретного заявителя, в отличие от большинства подобных дел, рассматриваемых Палатой.

83. Исходя из этого и согласно Статье 37, п. 1 *in fine* /в конце/, Суд постановляет, что в данном деле присутствуют особые обстоятельства, связанные с соблюдением прав человека, как это определено в Конвенции и Протоколах к ней, которые требуют продолжения рассмотрения дела.

84. Исходя из этого, Суд отклоняет ходатайство Правительства о прекращении производства по делу.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жалуется, что в силу его политического прошлого в Иране и перехода из ислама в христианство в Швеции его выдворение в Иран будет нарушением Статей 2 и 3 Конвенции. Положения этих статей гласят следующее:

Статья 2

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Решение Палаты

86. В своем решении от 16 января 2014 года Палата постановила, что исполнение распоряжения о выдворении по отношению к Заявителю не повлечет нарушения Статей 2 и 3 Конвенции. Она изучила эти два положения в совокупности и провела общую оценку рисков, связанных с политическим прошлым Заявителя и его переходом в христианство.

87. Палата отметила, что ходатайство Заявителя о предоставлении убежища было тщательно рассмотрено национальными органами, и каких-либо указаний на то, что эта процедура не имела достаточно гарантий для защиты Заявителя от произвольной высылки либо другим образом дискредитирована, не выявлено.

88. Что касается предполагаемой политической деятельности Заявителя в Иране, Суд постановил, что информация, указывающая на то, что политическая деятельность Заявителя была большей, чем незначительная, отсутствует. Суд также согласился с оценкой национальных компетентных органов о том, что утверждения Заявителя о его политической деятельности были расплывчатыми и недостаточно подробными, а также что Заявитель не подал Палате какого-либо подробного описания веб-страниц, на которые он ссылался, или их якобы критического содержания. Кроме собственных утверждений, Заявитель не предоставил ничего, что могло бы подтвердить существование таких веб-страниц. В суде также указали на то, что по утверждениям Заявителя его семья в Иране не подвергалась преследованиям из-за его политической деятельности. Наконец, Суд посчитал, что Заявитель не упоминал о продолжении своей политической деятельности после прибытия в Швецию.

89. Что касается перехода Заявителя в другую веру, Палата отметила, что он четко заявил национальным органам, что не желает ссылаться на религию в качестве основания для получения убежища, поскольку, по его мнению, это его личное дело. В частности, у него была возможность поднять вопрос своего перехода в христианство во время устного слушания в Миграционном суде, однако он решил этого не делать. Ситуация изменилась лишь после того, как в силу вступило распоряжение о его депортации. Палата также отметила, что по словам Заявителя, он перешел в христианство лишь после прибытия в Швецию и оберегал вопрос своей веры как личное дело. Учитывая все указанное выше, Палата посчитала, что какие-либо факты, указывающие на то, что властям Ирана было известно о его переходе в христианство, отсутствуют.

В. Представления сторон

1. Заявитель

90. Заявитель утверждает, что исполнение приказа о его выдворении будет нарушением Статей 2 и 3 Конвенции по следующим причинам.

91. Что касается его политической активности в Иране, надлежащим образом не учитывалось, к примеру, то, что в течение двадцати дней задержания в сентябре 2009

года с ним обращались неподобающим образом, то, что он подробно описал слушание в Революционном суде в октябре 2009 года и предоставил имя председательствующего судьи, что он представил оригинал повестки с требованием повторно явиться в суд 02 ноября 2009 г., или то, что он покинул страну нелегально.

92. Заявитель утверждает, что он подвергается серьезному риску при прохождении процедур в аэропорту при возвращении. Этот риск увеличился, поскольку теперь иранские власти могут его идентифицировать на основании судебного решения Палаты, а в будущем смогут это сделать также и на основании решения Большой палаты.

93. Заявитель не пожелал полагаться на свой переход в христианство во время первоначальной процедуры ходатайства об убежище, поскольку он посчитал вопрос веры личным делом и «не хотел эксплуатировать свою ценную недавно найденную веру как средство для приобретения убежища». Оглядываясь назад, он посчитал, что в тот момент он не получил достаточной юридической помощи и консультаций, чтобы понимать риски, связанные с его переходом в христианство. Тем не менее, говоря официальным языком, его переход в христианство был повторно упомянут его представителями как основание для предоставления убежища во время первоначального производства. Заявитель охотно отвечал на вопросы о своем переходе в другую веру, однако Миграционный совет посчитал его недостаточно правдоподобным, очевидно в силу того, что он не относился к «Церкви Швеции» и поскольку он предоставил не свидетельство о крещении, а лишь справку от пастора своей церкви. Аналогично, во время устного слушания в Миграционном суде Заявитель утверждал, что его переход в христианство создаст для него проблемы по возвращении в Иран.

94. Более того, 06 июля 2011 года, когда Заявитель подал ходатайство об отсрочке исполнения распоряжения о выдворении, он приложил письмо, в котором его конгрегация объясняла, почему он не пожелал использовать переход в другую веру во время первоначальной процедуры предоставления убежища. Конгрегация также утверждала в письме, что риск для Заявителя увеличился, поскольку ему приходилось контактировать с «репортерами или шпионами», которые могли бы передать сведения о его переходе в христианство иранским властям, а также поскольку церковь, которую Заявитель посещал с 2011 года, транслировала свои службы в сети интернет (см. пункты 30 и 32 выше).

95. Большой палате Заявитель также заявил, что риск увеличился еще больше в силу его специфической работы для церкви. Он также утверждал, что по возвращении в Иран ему придется рассказать о своем переходе в другую веру семье и друзьям. Они бы этого не поняли и не приняли. Они бы от него отреклись. Однако он не считал, что семья или друзья раскроют его переход в христианство властям, так как они его любят.

96. В письменном заявлении от 13 сентября 2014 года для Большой палаты Заявитель дал пояснения о своем переходе в другую веру, о том, как он проявлял свое христианское вероисповедание в Швеции и как он планировал проявлять свою веру в Иране, если будет исполнено распоряжение о выдворении. По его мнению, этот переход в христианство достиг такого уровня неопровержимости, серьезности, согласованности и важности, чтобы подпадать под действие Статьи 9. В Иране

номинально он был мусульманином, но не верил в ислам. Его друзьям на тот момент это было известно. По прибытии в Швецию однажды холодным вечером он и несколько его друзей посетили одно собрание, чтобы выпить чаю и согреться. Именно так произошел контакт с первой христианской конгрегацией. Он пошел домой, достал Библию на фарси, а начав ее читать, почувствовал, что она «попала ему прямо в сердце». Он продолжал посещать уроки Библии и молитвенные собрания, а в январе 2010 года прошел обряд крещения. Верно, что в марте 2010 года он заявил Миграционному совету, что не думал о христианстве как о религии, однако это было вызвано тем, как что он сам определяет религию как верование, к примеру, как ислам, который требует посредника, в отличие от христианства, где связь с Богом осуществляется напрямую. Он перешел в другую церковь, где продолжил посещать уроки Библии и молитвенные собрания. В случае возвращения в Иран его внутренние ощущения будут обязывать его открыто проявлять свою любовь к Иисусу и Библии. Дома в идеале, скорее всего, у него будут книги по христианству и нательный крест, и вероятно будет совершать обряды в домашних церквях и контактировать с другими христианами. Он также пытался бы распространять христианскую литературу на фарси, в частности в сети интернет.

97. Утверждения Заявителя были подкреплены письменной справкой для Большой палаты за 15 сентября 2014 года от бывшего пастора в церкви заявителя, который, среди прочего, утверждал, что знает Заявителя с начала 2012 года, что тот осмысленно относился к своему восприятию христианства, что он хорошо говорит по-английски, у них были содержательные обсуждения религии, а после того, как Заявитель стал христианином, в течение примерно четырех лет он стал зрелым и обрел навыки, достаточные для того, чтобы вести группу на уроках Библии в этой церкви.

98. И наконец, Заявитель настаивает на том, что в процедуре рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища были недочеты, главным образом потому, что шведские власти не учли должным образом риски, которые его ожидают в результате перехода в другую веру.

99. В частности, он не согласен с тем, что во время первоначальной процедуры государственные органы не приняли во внимание риски, связанные с переходом в христианство, о котором им было известно, объяснив это тем, что Заявитель не ссылался на него. Во-первых, потому что человек не имеет возможности отказаться от защиты, предоставляемой ему на основании Статьи 3 (см. дело «М.С. против Бельгии» /M.S. v. Belgium/, № 50012/08, пп. 121-125, 31 января 2012 г.), а во-вторых, даже если бы в принципе существовала возможность отказа от защиты на основании Статьи 3, Заявителя не предупредили о потенциальных последствиях для него в случае, если он решит не ссылаться на свою религию в качестве основания для получения убежища. Государственные органы не изучали, имел ли место отказ в данном деле и если да, в чем конкретно заключался отказ.

100. Что касается повторной процедуры, в рамках которой Заявитель активно намеревался сослаться на свой переход в христианство, в удовлетворении его ходатайства было отказано, поскольку такой переход не сочли «новым обстоятельством». Тем не менее, государственные органы не изучили, имел ли Заявитель уважительную причину, по которой он не пожелал сослаться на свой переход в другую веру ранее. Они также не обратили внимание на то, что Заявитель

сообщил о новых обстоятельствах, в частности, что он перешел в новую церковь в новом городе, и богослужения транслировались в сети интернет, где его можно было увидеть.

2. Правительство

101. Правительство отрицает, что исполнение оспариваемого ордера на выдворение является нарушением Статей 2 и 3 по нижеприведенным причинам.

102. Политическую деятельность, в которую в Иране был вовлечен Заявитель, можно считать незначительной. Это подтверждается и тем фактом, что с 2009 года Заявитель не получал новых повесток из Революционного суда, а также что никто из оставшихся в Иране членов его семьи, по его же собственным словам, не подвергался репрессиям со стороны иранских властей.

103. Более того, во время первоначальной процедуры предоставления убежища Заявитель отдельно указал, что не желает ссылаться на переход в христианство в качестве основания для получения убежища, поскольку считает это своим личным делом. Окончательный отказ по его ходатайству о предоставлении убежища по политическим причинам был получен 8 июня 2011 года, когда Миграционный апелляционный суд отказал ему в разрешении на апелляцию. И только 6 июля 2011 года Заявитель объявил о своем страхе преследования по причине перехода в христианство, несмотря на то, что произошел этот переход в декабре 2009 года, и на то, что он активно контактировал с другими иранскими новообращенными христианами и его шведской конгрегацией, через которых ему наверняка было известно об отношении в Иране к новообращенным христианам. Заявитель не пояснил, почему его страх преследования возник лишь после того, как решение о его выдворении стало окончательным и не подлежащим обжалованию, что по мнению Правительства и стало причиной особого внимания к достоверности соответствующих показаний Заявителя. Во время повторной процедуры переход Заявителя в христианство не стал новым обстоятельством, на которое нельзя было сослаться ранее, а также Заявитель не предоставил уважительной причины, по которой он этого не сделал, как того требуют условия для повторного рассмотрения дела, изложенные в Главе 12, разделы 18 и 19 Закона об иностранных гражданах.

104. Что касается процедуры, которая применяется в делах о предоставлении убежища, Правительство считает, что власть Швеции следовала Руководству УВКБ ООН и Рекомендациям УВКБ ООН по международной защите в отношении заявлений о предоставлении статуса беженца по религиозным мотивам, и провела индивидуальную оценку в отношении того, убедительно ли иностранный гражданин доказал, что его убеждения *sur place* («на месте») искренни в том смысле, что они основываются на искренних личных религиозных убеждениях. Сюда относится оценка обстоятельств, при которых произошел переход из одной веры в другую, а также того, можно ли ожидать, что заявитель будет жить как новообращенный верующий после возвращения в родную страну. Кроме того, 12 ноября 2012 года вышла «общая юридическая позиция» генерального директора по юридическим вопросам Миграционного совета Швеции по вопросам религии в качестве основания для предоставления убежища, включая смену религии, на основании решения Миграционного апелляционного суда (MIG 2011:29), Рекомендаций УВКБ ООН и решения СЕС по делу «Федеративная Республика Германия против И. (С-71/11) и 3

(C-99/11) /Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z/, 5 сентября 2012 г. Согласно данной юридической позиции оценка достоверности смены религии должна производиться тщательно на предмет определения искренности такого процесса. Человек, который искреннее изменил свою веру, или которому могут быть приписаны новые религиозные верования, и которому по этой причине угрожает опасность преследования, не должен быть вынужден скрывать собственную веру исключительно во избежание преследования. Также 10 июня 2013 года вышла «общая юридическая позиция» генерального директора по юридическим вопросам на тему методологии оценки достоверности и правдоподобности ходатайства о международной защите. Эта позиция, среди прочего, основана на оценке, представленной УВКБ ООН в своем докладе «Beyond Proof: Credibility assessment in EU Asylum Systems» («Кроме доказательств; Оценка достоверности в системах ЕС по предоставлению убежища») за май 2013 года.

105. Однако в данном деле Заявитель не пожелал сослаться на свой переход в другую веру во время первоначальной процедуры предоставления убежища. Тем не менее, следует отметить, что в Иране он в течение почти пятьдесят лет был мусульманином и перешел в христианство *sur place* («на месте») вскоре после прибытия в Швецию. Именно по этой причине вопрос правдоподобности следовало изучить с особой тщательностью. Ни Миграционный суд, ни Миграционный совет во время процедуры рассмотрения в Миграционном суде, ни Правительство не ставили под сомнение факт официального перехода Заявителя в христианство в Швеции или факт его крещения 31 января 2010 года, однако Правительство подчеркивает, что поскольку Заявитель отдельно указал, что считает смену религии личным делом, на которое он не хочет сослаться в качестве основания для получения убежища, ни один из государственных органов не изучал искренность его перехода в другую веру или то, исповедование каких именно принципов в религии он считал важным для сохранения своей религиозной идентичности.

106. Что касается общих рисков для новообращенных верующих в Иране, Правительство со ссылкой на различные международные доклады настаивает на том, что новообращенному христианину можно жить в Иране, исповедуя свою религию в частном порядке или совместно с другими лицами, придерживающимися тех же религиозных верований. Заявитель неоднократно утверждал, что его вера – это его личное дело, и действовал соответственно. Кроме того, во время собеседования с Миграционным советом в марте 2010 года он заявил, что не считает христианство религией. С учетом этого Правительство считает, что нет оснований предполагать, что по возвращении в Иран Заявитель будет участвовать в религиозных практиках, которые подвергнут его реальному риску преследования.

3. Аргументы третьих сторон

107. Европейский центр права и правосудия, Альянс по защите свободы при поддержке организации Jubilee Campaign, Центр консультирования по правам в Европе (Центр AIRE), Европейский совет по делам беженцев и изгнанников (ECRE), Международная комиссия юристов и УВКБ ООН, среди прочего, утверждают, что верующие, перешедшие в христианство, являются в Иране одним из наиболее преследуемых меньшинств. Исламский режим имеет системные инструменты для выявления всех членов своего общества, перешедших из ислама в христианство. Эти инструменты позволяют правительству с гораздо большей вероятностью выявить в

Иране новообращенных, даже если они исповедуют веру в тайне. В случае выявления иранскими властями новообращенные зачастую в лучшем случае испытывают вмешательство в свою жизнь, или им наносится существенный вред в виде лишения свободы, нападений или длительного преследования, а в худшем случае человеку может грозить жестокое обращение и смерть.

108. Третьи стороны также утверждают, что при оценке рисков после выдворения, учитывая устоявшуюся практику суда, требуется полная оценка *ex nunc* («в дальнейшем»). Игнорирование того факта, что со временем обстоятельства могли измениться, приведет к толкованию прав заявителя как к теоретическим и иллюзорным. Оценка должна проводиться с учетом соответствующей нормативно-правовой базы ЕС и законодательства по вопросам беженцев. Именно поэтому третьи стороны предложили Суду постановить, что с учетом решения СЕС по делу «Федеративная Республика Германия против И (С-71/11) и З (С-99/11) /Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z/, 5 сентября 2012 г., нельзя ожидать, что Заявитель будет скрывать свою религию, чтобы избежать преследования, оговоренного в Статье 3 Конвенции. Принудительное, вынужденное сокрытие чьего-либо перехода в другую веру как прямое, прогнозируемое последствие выдворения людей в страны, в которых они столкнутся с реальным риском смертной казни как вероотступники, повлечет за собой реальный риск психического и психологического страдания, которое подпадает под действие Статьи 3 Конвенции. Более того, согласно законодательству по вопросам беженцев, требование принудительного вынужденного сокрытия основополагающего аспекта личностной идентичности, например, религиозных убеждений, сексуальной ориентации или политических взглядов признается противоречащим фундаментальным принципам Конвенции о беженцах.

109. Что касается процессуального аспекта, УВКБ ООН подчеркивает, что обязанности, предусмотренные Конвенцией 1951 года, требуют от властей Государства выяснить все соответствующие факты с целью определить и признать беженцев, имеющих право на защиту согласно Конвенции. Соответственно, установление того, имел ли Заявитель обоснованные опасения преследования или сталкивался ли он с риском иного серьезного вреда, основывалось на фактах, составляющих материалы ходатайства о предоставлении убежища, включая, к примеру, те факты, которые Заявитель сообщил, но которые попросил не принимать в расчет в силу их частного характера, или когда Заявитель посчитал их неуместными. Именно орган, рассматривающий ходатайства об убежище, должен в конечном счете решить, какие факты актуальны и существенны для общей оценки. Что касается бремени доказывания, обычно оно лежит на том человеке, который подает заявление. Однако, принимая во внимание специфику положения беженцев и их уязвимость, следует отметить, что они могут быть не в состоянии предоставить соответствующую информацию. Следовательно, заявитель и рассматривающий ходатайство сотрудник совместно обязаны выяснить и оценить все соответствующие факты. При исполнении данной совместной обязанности в некоторых случаях сотрудники, рассматривающие ходатайства, должны использовать все доступные средства для сбора необходимых доказательств в подтверждение ходатайства.

С. Оценка Суда

1. Введение

110. Изначально Суд посчитал, что в случае выдворения, при наличии убедительных оснований полагать, что после выдворения в страну назначения соответствующее лицо столкнется с реальным риском смертной казни, пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения или наказания Статья 2 и Статья 3 предписывают государству-участнику Конвенции не выдворять такое лицо. Таким образом, Суд также изучит две Статьи вместе (см., среди прочего, дело «Мокану и другие против Румынии» с соответствующими изменениями /*Mocanu and Others v. Romania*/ [GC], №№ 10865/09, 45886/07 и 32431/08, а 314, ЕСПЧ 2014 (выдержки); «Т.А. против Швеции» /*T.A. v. Sweden*/, № 48866/10, п. 37, 19 декабря 2013 г.; «К.А.Б. против Швеции» /*K.A.B. v. Sweden*/, № 886/11, п. 67, 5 сентября 2013 г.; «Кабулов против Украины» /*Kaboulov v. Ukraine*/, № 41015/04, п. 99, 19 ноября 2009 г.; а также «Ф.Х. против Швеции» /*F.H. v. Sweden*/, № 32621/06, п. 72, 20 января 2009 г.).

2. Общие принципы оценки ходатайств о предоставлении убежища согласно Статьям 2 и 3 Конвенции

(а) Оценка рисков

111. Суд вновь напоминает, что государства-участники Конвенции имеют право, в рамках установленного международного права и согласно своим договорным обязательствам, в том числе согласно Конвенции, контролировать въезд, проживание и выдворение иностранных граждан (см., к примеру, дело «Хирси Джамаа и другие против Италии» /*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*/ [GC], № 27765/09, п. 113, ЕСПЧ 2012; «Унер против Нидерландов» /*Üner v. the Netherlands*/ [GC], № 46410/99, п. 54, ЕСПЧ 2006-ХІІ; «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Великобритании» /*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*/, 28 мая 1985 г., п. 67, Серия А № 94; а также «Буджлифа против Франции» /*Boujlifa v. France*/, 21 октября 1997 г., п. 42, Отчеты о постановлениях и решениях суда 1997-VI). Тем не менее, выдворение иностранного гражданина государством-участником Конвенции может противоречить Статье 3, а значит, повлечь за собой ответственность такого государства на основании Конвенции, если были продемонстрированы убедительные основания считать, что соответствующее лицо в случае депортации в страну назначения столкнется с угрозой подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3. В такой ситуации Статья 3 устанавливает обязанность не депортировать рассматриваемое лицо в такую страну (см., среди прочего, дело «Саади против Италии» /*Saadi v. Italy*/ [GC], № 37201/06, пп. 124-125, ЕСПЧ 2008).

112. Оценка наличия убедительных оснований полагать, что заявитель подвергнется такому реальному риску, неизбежно требует от Суда изучения условий в стране назначения с учетом норм Статьи 3 Конвенции (см. «Маматкулов и Аскарлов против Турции» /*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*/ [GC], №№ 46827/99 и 46951/99, п. 67, ЕСПЧ 2005-I). Согласно этим стандартам жестокое обращение, которому по словам заявителя он подвергнется в случае возвращения, должно достигать минимального уровня серьезности, если оно подпадает под действие Статьи 3. Оценка такого уровня относительна и зависит от обстоятельств дела (см. «Хилал против Великобритании» /*Hilal v. the United Kingdom*/, № 45276/99, п. 60, ЕСПЧ 2001-II).

113. Оценка существования реального риска должна проводиться с особой тщательностью (см. дела «Шалал против Великобритании» /*Chahal v. the United Kingdom*/, 15 ноября 1996 г., п. 96, Отчеты 1996-V, а также «Саади против Италии»

/Saadi v. Italy/, цитируются выше, п. 128). Основная задача заявителя – представить доказательства, подтверждающие наличие убедительных оснований полагать, что в случае применения оспариваемой меры он подвергнется реальному риску обращения, противоречащего Статье 3 (см., к примеру, дела «Саади против Италии» /Saadi v. Italy/, цитируется выше, п. 129, и «Н. против Финляндии» /N. v. Finland/, № 38885/02, п. 167, 26 июля 2005 г.). В связи с этим, Суд признает, что в силу особой ситуации, в которой зачастую находятся лица, ищущие убежища, часто бывает необходимо принять их слова на веру, когда следует оценить достоверность их утверждений и документов, поданных в их поддержку. Однако при предоставлении информации, которая дает серьезные основания сомневаться в правдивости показаний заявителя, ходатайствующего об убежище, такой заявитель обязан представить убедительные разъяснения предполагаемых несоответствий (см., среди прочего, дела «Н. против Швеции» /N. v Sweden/, № 23505/09, 20 июля 2010 г.; «Хакизimana против Швеции» /Hakizimana v. Sweden/ (реш.), № 37913/05, 27 марта 2008 г.; а также «Коллинз и Аказебе против Швеции» /Collins and Akaziebie v. Sweden/ (реш.), № 23944/05, 8 марта 2007 г.).

114. При проведении такой оценки следует сосредоточиться на прогнозируемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения, учитывая общую ситуацию в этой стране, а также его личных обстоятельств (см. дело «Вилвараджах и другие против Великобритании» /Vilvarajah and Others v. the United Kingdom/, 30 октября 1991 г., п. 108, Серия А № 215). Исходя из этого, а также в случаях, где это необходимо, Суд будет принимать во внимание существование общей ситуации насилия и жестокости в стране назначения (см., к примеру, дело «Суфи и Элми против Великобритании» /Sufi and Elmi v. the United Kingdom/, №№ 8319/07 и 11449/07, п. 216, 28 июня 2011 г.).

115. Если заявитель еще не депортирован, отправной точкой в оценке должен быть момент рассмотрения дела Судом (см. дело Шалала, цитируется выше, п. 86). Полная оценка *ex nunc* («в дальнейшем») требуется тогда, когда необходимо учесть информацию, ставшую известной после принятия окончательного решения национальными государственными органами (см., к примеру, дело «Маслов против Австрии» /Maslov v. Austria/ [GC], № 1638/03, пп. 87-95, ЕСПЧ 2008, и «Суфи и Элми против Великобритании» /Sufi and Elmi, v. the United Kingdom/, цитируется выше, п. 215). Такая ситуация, как правило, возникает, когда, как и в данном деле, депортация откладывается в результате назначения Судом обеспечительных мер в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда. Поскольку согласно Статье 3 характер ответственности государств-участников во всех случаях подобного рода заключается в действиях, подвергающих лицо риску жестокого обращения, существование риска должно оцениваться главным образом на основании тех фактов, которые были известны, или о которых должно было быть известно государствам-участникам на момент выдворения. В оценке следует сосредоточить внимание на прогнозируемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения с учетом общей ситуации в этой стране и его личных обстоятельств (см., к примеру, дела «Салах Шикх против Нидерландов» /Salah Sheekh v. the Netherlands/, № 1948/04, п. 136, 11 января 2007 г., и «Вилвараджах и другие против Великобритании» /Vilvarajah and Others v. the United Kingdom/, цитируется выше, пп. 107 и 108).

116. Задача Суда – рассмотреть в рамках дела о выдворении, были ли во всех обстоятельствах рассматриваемого дела представлены убедительные основания

полагать, что в случае возвращения рассматриваемое лицо столкнется с реальным риском обращения, противоречащего Статье 3 Конвенции. Если установлено, что такой риск существует, выдворение заявителя обязательно нарушит Статью 3, независимо от того, вызван ли такой риск ситуацией общего насилия и жестокости, личными обстоятельствами заявителя либо и тем и другим одновременно. Однако очевидно, что не каждая ситуация общей жестокости приведет к возникновению такого риска. С другой стороны, Суд ясно дал понять, что общая ситуация жестокости и насилия должна быть настолько серьезной, чтобы создать такой риск «в наиболее критических случаях», когда реальная опасность жестокого обращения существует уже в силу того, что этому человеку может угрожать такое жестокое обращение после возвращения (см., например, дело «Суфи и Элми» /Sufi and Elmi/, цитируется выше, пп. 216 и 218) См. также, среди прочего, «Л.М. и другие против России» /L.M. and Others v. Russia/, №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14, п. 108, 15 октября 2015 г., и «Мамажонов против России» /Mamazhonov v. Russia/, № 17239/13, §§ 132-133, 23 октября 2014 г.).

(b) Характер изучения обстоятельств дела Судом

117. В делах, которые касаются выдворения претендентов на убежище, сам Суд не изучает реальные ходатайства о предоставлении убежища и не проверяет соблюдение государствами своих обязательств по Женевской Конвенции о статусе беженцев. Главное, что его интересует, – существуют ли эффективные гарантии, которые защищают заявителя от произвольной высылки, прямой или непрямой, в страну, которую он покинул в поисках убежища. На основании Статьи 1 Конвенции основная ответственность за реализацию и осуществление гарантированных прав и свобод лежит на национальных государственных органах. Таким образом, механизм обжалования в Суд дополняет национальные системы, которые обеспечивают защиту прав человека. Такой вспомогательный характер прописан в Статьях 13 и 35, п. 1 Конвенции (см. «М.С.С. против Бельгии и Греции» /M.S.S. v. Belgium and Greece/ [GC], № 30696/09, пп. 286-287, ЕСПЧ 2011). Тем не менее, Суд должен убедиться в том, что выполненная органами государств-сторон Конвенции оценка проведена правильно и в достаточной степени подкреплена национальными материалами, а также материалами, полученными из других объективных и надежных источников, например, от других государств-участников или третьих стран, агентств ООН и авторитетных неправительственных организаций (см., среди прочего, «НА. против Великобритании» /NA. v. the United Kingdom/, № 25904/07, п. 119, 17 июля 2008 г.).

118. Кроме того в тех случаях, когда дело было рассмотрено национальными судами государства, Суд не обязан давать собственную оценку фактов вместо оценки фактов национальных судов и, как правило, именно эти суды оценивают факты, которые им представляются (см., среди прочих, дела «Джулиани и Гаджио против Италии» /Giuliani and Gaggio v. Italy/ [GC], № 23458/02, пп. 179-80, 24 марта 2011 г.; «Низомхлон Джураев против России» /Nizomkhon Dzhurayev v. Russia/, № 31890/11, п. 113, 3 октября 2013 г.; и «Савриддин Джураев против России» /Savriddin Dzhurayev v. Russia/, № 71386/10, п. 155, ЕСПЧ 2013 (выдержки). Как правило, именно национальные государственные органы имеют возможность не только лучше всего оценить факты, но и дать более точную оценку того, насколько заслуживают доверия свидетели, так как именно они могут видеть, слышать и анализировать поведение соответствующего человека (см., к примеру, дело «Р.К. против Швеции» /R.C. v. Sweden/, № 41827/07, п. 52, 9 марта 2010 г.).

(с) Процессуальные обязанности при изучении ходатайства о предоставлении убежища

119. В случаях депортации зачастую именно Суд определяет обязанности, возлагаемые на государства в отношении процессуального аспекта Статей 2 и 3 Конвенции (см., среди прочего, дела «Хирси Джамаа и другие против Италии» /*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*/, цитируется выше, п. 198; «М.Е. против Дании» /*M.E. v. Denmark*/, № [58363/10](#), п. 51, 8 июля 2014 г.; и «Суфи и Элми» /*Sufi and Elmi*/, цитируется выше, п. 214).

120. Что касается бремени доказывания, в делах «Саади против Италии» /*Saadi v. Italy*/ (цитируется выше, пп. 129-32; см. также, среди прочего, дело «Уабур против Бельгии» /*Ouabour v. Belgium*/, № [26417/10](#), п. 65, 2 июня 2015 г., и «Отман (Абу Катада) против Великобритании» /*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*/, № [8139/09](#), п. 261, ЕСПЧ 2012 (выдержки)) Суд постановил, что в целом именно заявитель должен предоставить доказательства, подтверждающие наличие убедительных оснований полагать, что при исполнении оспариваемой меры он подвергнется реальному риску обращения, противоречащего Статье 3. Кроме того, в случае представления таких доказательств задача Правительства – развеять любые возникающие у него сомнения (там же, п. 129). Чтобы определить, имеет ли место риск жестокого обращения, Суд обязан изучить прогнозируемые последствия возвращения заявителя в страну назначения, учитывая общую обстановку в этой стране, а также его личные обстоятельства (там же, п. 130). В том случае, когда доступные источники описывают ситуацию в общем, конкретные утверждения заявителя должны быть подкреплены другими доказательствами (там же, п. 131). Если Заявитель утверждает, что является членом группы, систематически подвергающейся ненадлежащему обращению, Суд считает, что защита на основании Статьи 3 Конвенции должна предоставляться, если заявителя доказывает, при необходимости с помощью вышеупомянутых источников, что существуют убедительные основания верить в существование такой практики и в то, что он относится к такой группе (там же, п. 132).

121. Что касается процедур предоставления убежища, Суд полагает, что Статья 4(1) Квалификационной директивы (см. пункт 48 выше) предусматривает, что государства-члены Европейского Союза могут считать обязанностью заявителя как можно раньше подать все материалы, необходимые для обоснования ходатайства о предоставлении международной защиты, а пункт 67 Руководства УВКБ ООН (см. пункт 53 выше) гласит:

«Задачей сотрудника, рассматривающего заявление об убежище - при изучении обстоятельств дела установить причину или причины преследования, а также принять решение о том, соответствуют ли они определению Конвенции 1951 года. Очевидно, что причины преследования по этим различным мотивам будут частично совпадать. Чаще всего будет присутствовать более чем один элемент, связанный с одним лицом, например, политическим оппонентом, который принадлежит к религиозной или этнической группе, либо к обеим группам одновременно, и сочетание этих причин в таком лице может иметь значение при оценке его обоснованных опасений».

122. Суд также отмечает, что в своих замечаниях в качестве третьей стороны процесса УВКБ ООН утверждает(см. пункт 109 выше), что несмотря на то, что бремя

доказывания обычно несет лицо, подающее заявление, обязанность по подтверждению и оценке всех соответствующих фактов лежит совместно на заявителе и сотруднике, рассматривающем заявление; что при исполнении такой совместной обязанности рассматривающим заявления сотрудникам в некоторых случаях нужно использовать все доступные средства для представления необходимых доказательств в поддержку ходатайства.

123. В отношении действий *sur place* («на месте») Суд признал, что в целом очень тяжело оценить, искренне ли человек заинтересован в соответствующей деятельности, будь то политические или религиозные мотивы, или человек был вовлечен в нее лишь с целью создать основания для ходатайства после прибытия (см., к примеру, дело «А.А. против Швейцарии» /A.A. v. Switzerland/, № 58802/12, п. 41, 7 января 2014 г.). Эти аргументы согласовываются с Рекомендациями УВКБ ООН по международной защите в отношении заявлений о предоставлении статуса беженца по религиозным мотивам от 28 апреля 2004 года. Данный документ гласит, «что определенные вопросы с достоверностью все-таки возникают в отношении заявлений, поданных «на месте», поэтому требуется тщательное и глубокое изучение обстоятельств и искренности перехода в другую веру... Так называемая деятельность «для собственной выгоды» не создает обоснованных опасений преследования на основании Конвенции в стране происхождения заявителя, если оппозиционный характер такой деятельности будет очевиден всем, включая органы власти, а серьезные негативные последствия не возникают в случае возвращения такого человека» (см. пункт 52 выше). См. также решение Суда по делу, к примеру, «Али Муради и Сельма Алиева против Швеции» /Ali Muradi and Selma Alieva v. Sweden/ ((реш.), № 11243/13, пп. 44-45, 25 июня 2013 г.) в связи с этим.

124. Кроме того, Суд отмечает, что в отношении определения в первой инстанции правомочности получения международной защиты, СЕС в своем решении (дело «А, Б, С против Государственного секретаря по вопросам безопасности и правосудия» /A, B, C v. Staatssecretaris van Veiligheid en Justitie/, цитируется выше), среди прочего, постановил, что Статья 4(3) Директивы 2004/83 и Статья 13(3)(а) Директивы 2005/85 должны трактоваться как такие, что запрещают компетентным государственным органам при проведении такой оценки выносить решение о том, что утверждения претендента на убежище не заслуживают доверия лишь в силу того, что заявитель при первой же предоставленной ему возможности не указал свою заявленную сексуальную ориентацию в качестве основания для преследования (см. пункт 51 выше).

125. В основном именно человек, ищущий международной защиты в государстве-участнике Конвенции, обязан как можно скорее подать свое ходатайство о предоставлении убежища с указанием подкрепляющих ходатайство причин, а также представить доказательства, подтверждающие наличие убедительных оснований полагать, что депортация в родную страну приведет к реальному и конкретному риску оказаться в ситуации, угрожающей его жизни согласно Статье 2, или подвергнуться обращению, нарушающему Статью 3.

126. Тем не менее, что касается заявлений о предоставлении убежища на основании всем известной общей опасности, если сведения о такой опасности легко подтверждаются широким рядом источников, обязательства, налагаемые на государства согласно Статьям 2 и 3 Конвенции, в случаях выдворения приводят к

тому, что государственные органы проводят оценку такого риска, вызванного по их собственной инициативе (см., к примеру, дела «Хирси Джамаа и другие против Италии» /*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*/ [GC], цитируется выше, пп. 131-133, и «М.С.С. против Бельгии и Греции» /*M.S.S. v. Belgium and Greece*/ [GC], цитируется выше, п. 366).

127. С другой стороны, что касается ходатайств о предоставлении убежища, основанных на индивидуальных рисках, именно претендент на убежище должен указать такие риски и обосновать их. Соответственно, если заявитель решает не указывать риски или не раскрывать особые индивидуальные основания для получения убежища, намеренно воздерживаясь от их упоминания, будь то религиозные, политические мотивы, сексуальная ориентация или иные основания, нельзя ожидать, что соответствующее государство самостоятельно узнает о них. Тем не менее, учитывая абсолютный характер прав, гарантированных согласно Статьям 2 и 3 Конвенции, и принимая во внимание положение уязвимости, в котором часто находятся лица, ищущие убежища, если государству-участнику становится известно о фактах, касающихся конкретного лица, которые могут подвергнуть его по возвращении в соответствующую страну риску ненадлежащего обращения, нарушающего указанные положения, налагаемые на государства Статьями 2 и 3 обязательства приводят к тому, что власти должны проводить оценку такого риска, вызванного по их собственной инициативе. Это правило, в частности, применяется к ситуациям, когда государственным органам страны стало известно о том, что претендент на убежище вполне вероятно относится к группе, которая систематически подвергается ненадлежащему обращению, и имеются серьезные основания верить в существование такой практики или в его принадлежность к соответствующей группе (см. пункт 120 выше).

3. Применение упомянутых принципов к данному делу

128. Применяя вышеупомянутые принципы к данному делу, Суд считает уместным разделить рассмотрение дела на две части: 1) политическая деятельность Заявителя в Иране, 2) переход Заявителя в христианство в Швеции.

(а) Политическая деятельность Заявителя

i. Общая ситуация в Иране

129. Заявитель не утверждал, что общая обстановка в Иране сама по себе препятствует его возвращению в страну. Более того, Суд отмечает, что общая обстановка насилия и жестокости, как правило, сама по себе не приводит к нарушению Статьи 3 в случае выдворения в такую страну (см. дело «Х.Л.Р. против Франции» /*H.L.R. v. France*/, 29 апреля 1997 года, п. 41, Отчеты 1997-III). Однако Суд никогда не исключал вероятности того, что общая обстановка насилия в стране назначения может быть настолько серьезной, что может привести к тому, что выдворение в такую страну обязательно нарушит Статью 3 Конвенции. Тем не менее, Суд применяет такой подход лишь в наиболее критических случаях общей жестокости, когда существует риск ненадлежащего обращения уже только в силу того, что соответствующее лицо может столкнуться с такой жестокостью в этой стране (см. дело «Суфи и Элми» /*Sufi and Elmi*/, цитируется выше, п. 218, и «НА. против Великобритании» /*NA. v. the United Kingdom*/, цитируется выше, п. 115).

130. В данном деле, несмотря на то, что Суду известна информация из докладов о серьезных нарушениях прав человека в Иране (см. пункты 55-58 выше), он не считает их характер таковым, что сам по себе подтверждает, что в случае возвращения Заявителя в эту страну это будет нарушением Конвенции (см. также «С.Ф. и другие против Швеции» /S.F. and Others v. Sweden/, № 52077/10, п. 64, 15 мая 2012 г.). Таким образом, Суд переходит к рассмотрению личных обстоятельств Заявителя в части того, что его возвращение в Иран будет нарушением Статьи 2 и 3 Конвенции.

ii. Особые обстоятельства ситуации Заявителя

131. Суд отмечает, что Заявитель давал показания в присутствии своего адвоката и переводчика в течение двух часов на собеседовании в Миграционном совете 24 марта 2010 года и в Миграционном суде 16 февраля 2011 года. Его дело рассматривалось по существу двумя органами, а в разрешении на подачу апелляции Миграционным апелляционным судом ему было отказано.

132. Из протоколов видно, что и Миграционный совет, и Миграционный суд приняли во внимание, что с 2007 года Заявитель работал с лицами, связанными с разными университетами, которые известны своей оппозиционностью к режиму. Главным образом он работал над созданием и публикацией веб-страниц. В сентябре/октябре 2009 года, пока он был в тюрьме, его компьютер забрали из служебного помещения. В его компьютере хранились материалы критического характера в адрес государственного режима. Хотя Заявитель сам лично не критиковал режим, Президента Ахмадинежада или высшее политическое руководство, он посещал некоторые веб-сайты и получал по электронной почте карикатуры. В связи с этим, Заявитель считает, что имелось достаточно доказательств, подтверждающих, что он является противником системы. По сути, все эти доказательства были материалами, которые хранились в его компьютере в 2007 году. Национальные органы посчитали, что сведения о политической деятельности Заявителя расплывчаты и недостаточно подробны. Более того, он не указал и не обосновал существование каких-либо веб-страниц, якобы созданных им в течение двух лет. Они также посчитали удивительным, что Заявителю удалось продолжить публикацию материалов с критикой режима с 2007 года до выборов в 2009, если иранским властям действительно было известно о его деятельности еще в 2007.

133. Национальные органы также учли то, что в апреле 2007 года Заявитель был арестован на 24 часа.

134. Они не ставили под сомнение тот факт, что за день до выборов 12 июня 2009 года Заявителя и его друзей арестовали, допросили и задержали на избирательном участке до утра.

135. Они также посчитали установленным фактом то, что Заявитель участвовал в демонстрации и в сентябре 2009 года снова был арестован и заключен под стражу на двадцать дней, где с ним обращались ненадлежащим образом, а также что в октябре 2009 года он предстал перед Революционным судом, который его освободил.

136. Государственные органы также приняли во внимание тот факт, что Заявитель представил оригинал повестки с требованием явиться в Революционный суд 02 ноября 2009 года. Однако они посчитали, что сама по себе повестка не может

обосновать потребность в защите. Собственно, это был просто вызов в суд без указания причин явки.

137. Проводя общую оценку, национальные органы посчитали, что политическую деятельность, в которую Заявитель был вовлечен в Иране, можно считать незначительной, что подтверждается тем фактом, что с 2009 года Заявитель больше не получал от Революционного суда повесток и никто из членов его семьи, оставшейся в Иране, не подвергался репрессиям со стороны иранских властей.

138. При таких обстоятельствах Суд не убедила жалоба Заявителя на то, что власти Швеции не учли должным образом ненадлежащее обращение с ним в течение двадцатидневного задержания в сентябре 2009 года, его подробное описание слушания в Революционном суде в октябре 2010 года или то, что он представил оригинал повестки с повторным вызовом на 02 ноября 2009 года.

139. В деле также отсутствуют доказательства того, что власти Швеции не приняли во внимание риск задержания в аэропорту при проведении общей оценки рисков, которым подвергается Заявитель.

140. Суд также считает невозможным заключить, что производство в органах Швеции было несоответствующим или недостаточно подкрепленным внутренними материалами или материалами, полученными из других надежных и объективных источников.

141. Более того, что касается оценки рисков, отсутствуют какие-либо доказательства в пользу утверждения о том, что шведские власти пришли к неправильному заключению о том, что Заявитель не был выдающимся политическим активистом или оппозиционером. В этом отношении данное дело отличается от других, а именно, дела «С.Ф. и другие против Швеции» /S.F. and Others v. Sweden/ (цитируется выше), в котором заявитель занимался активной политической деятельностью и попал в поле зрения иранского режима; дела «К.К. против Франции» /K.K. v. France/ (№ 18913/11, 10 октября 2013 г.), в котором заявитель был бывшим сотрудником разведывательной службы Ирана; а также дела «Р.К. против Швеции» /R.C. v. Sweden/ (цитируется выше), которое, в частности, касалось риска задержания в аэропорту по возвращении.

142. Наконец, что касается утверждений Заявителя в Большой палате о том, что иранские власти могли установить его личность на основании решения Суда, а также могут сделать это впоследствии на основании решения Большой палаты, Суд обращает внимание на то, что Заявителю была обеспечена анонимность при удовлетворении его ходатайства о применении Правила 39 в октябре 2011 года, а также что судья по материалам, представленным Суду, в них отсутствует четкое заявление касательно риска быть опознанным (см., для сравнения, дело «С.Ф. и другие против Швеции» /S.F. and Others v. Sweden/, цитируется выше, пп. 67-70, и «НА против Великобритании» /NA. v. the United Kingdom/, цитируется выше, п. 143).

143. Из этого следует, что в случае выдворения Заявителя в Иран Статьи 2 и 3 Конвенции не будут нарушены по причине его политического прошлого в этой стране.

(b) Переход Заявителя в христианство

144. В данном деле органы Швеции столкнулись с переходом в другую веру *sur place* («на месте»). Поэтому изначально, прежде чем оценить, может ли Заявитель по возвращении в Иран подвергнуться риску обращения, противоречащего Статьям 2 и 3 Конвенции, они должны были оценить, был ли переход Заявителя в другую веру искренним и достигал ли определенного уровня убедительности, серьезности, последовательности и важности (см., среди прочего, дела «С.А.С. против Франции» /S.A.S. v. France/ [GC], № 43835/11, п. 55, 1 июля 2014 г.; «Эвейда и другие против Великобритании» /Eweida and Others v. the United Kingdom/, №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, п. 81, ЕСПЧ 2013, а также «Баятян против Армении» /Bayatyan v. Armenia/ [GC], № 23459/03, п. 110, ЕСПЧ 2011).

145. Суд полагает, что согласно утверждениям представителей Правительства Швеции (см. пункт 104) в делах о предоставлении убежища, государственные органы Швеции в целом следуют Руководству УВКБ ООН и Рекомендациям УВКБ ООН по международной защите в отношении заявлений о предоставлении статуса беженца по религиозным мотивам и проводит индивидуальную оценку того, убедительно ли иностранный гражданин доказал, что его убеждения *sur place* («на месте») искренни в том смысле, что они основываются на искренних личных религиозных убеждениях. Сюда относится оценка обстоятельств, при которых произошел переход из одной веры в другую, а также того, можно ли ожидать, что заявитель будет жить как новообращенный верующий после возвращения в родную страну. Кроме того, 12 ноября 2012 года вышла «общая юридическая позиция» генерального директора по юридическим вопросам Миграционного совета Швеции (см. пункт 46 выше) касательно вопросов религии в качестве основания для предоставления убежища, включая смену религии, на основании решения Миграционного апелляционного суда (MIG 2011:29), Рекомендаций УВКБ ООН и решения СЕС по делу «Федеративная Республика Германия против И. (С-71/11) и З (С-99/11) /Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z/, 5 сентября 2012 г. Согласно этой юридической позиции изучение достоверности перехода в другую веру должно производиться тщательным образом на предмет определения искренности перехода в другую веру. Человек, искренне сменивший веру или тот, кому могут быть приписаны новые религиозные взгляды и соответственно рискующий стать объектом преследований, не должен быть вынужден скрывать собственную веру исключительно во избежание преследований. Также 10 июня 2013 года вышла «общая юридическая позиция» генерального директора по юридическим вопросам (см. пункт 47 выше) на тему методологии оценки надежности и правдоподобности ходатайства о международной защите. Эта позиция, среди прочего, основана на оценке, представленной УВКБ ООН в своем докладе «Beyond Proof: Credibility assessment in EU Asylum Systems» («Кроме доказательств; Оценка достоверности в системах ЕС по предоставлению убежища») за май 2013 года.

146. Заявитель не пожелал обосновать свое ходатайство переходом в христианство во время первоначального рассмотрения процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища в Миграционном совете. Данный вопрос был упомянут в Миграционном совете, но Заявитель пояснил, что считает вопрос религии своим личным делом и «не хочет эксплуатировать свою ценную недавно найденную веру как средство для получения убежища». Оглядываясь назад, он считает, что в тот момент он не получил достаточной юридической помощи и консультаций, чтобы понимать риски, связанные с его переходом в христианство.

147. Суд отмечает, что Заявитель почти всю жизнь прожил в Иране, хорошо говорит по-английски (см. пункт 97 выше) и имеет опыт работы с компьютерами, веб-страницами и сетью интернет. Он также критиковал государственный режим. Поэтому трудно поверить, что он не был осведомлен о риске для новообращенных верующих в Иране самостоятельно, через прихожан в церкви, в которой он был крещен вскоре после прибытия в Швецию, или через пастора, который выдал ему справку от 15 марта 2010 года для предъявления ее Миграционному совету. Также Суд не получил убедительных доказательств того, что Заявителю не были обеспечены достаточная юридическая помощь и консультации, чтобы понять риски, связанные с его переходом в другую веру. Суд отмечает, что Заявитель ни разу не жаловался на это во время процедур в национальных судах. Более того, во время слушания в Миграционном совете 24 марта 2010 года представитель совета даже прервал заседание на некоторое время, чтобы Заявитель мог посоветоваться с адвокатом специально по этому вопросу. Заявитель утверждал, что его переход в христианство - это его личное дело, но, очевидно, это не помешало ему говорить о своей религии (см. пункт 13 выше). Кроме того, в своей апелляционной жалобе к Миграционному суду Заявитель ссылался на переход в христианство в качестве основания для получения убежища и предоставил свидетельство о крещении от 31 января 2010 года, пояснив, что он не хотел ссылаться на смену религии изначально, поскольку не хотел компрометировать серьезность своих убеждений. Также в Миграционном суде 16 февраля 2011 года, повторив, что не желает ссылаться на свой переход в другую веру в качестве основания для получения убежища, он заявил, что «это, очевидно, все равно создаст [ему] проблемы по возвращении».

148. Возвращаясь к государственным органам Швеции, 24 марта 2010 года им стало известно о том, что имеет место переход Заявителя в другую веру *sur place* («на месте»), когда Миграционный совет проводил с ним устное собеседование в присутствии его адвоката и переводчика. В частности, Совету стало об этом известно, поскольку Заявитель предоставил заявление от 15 марта 2010 года, подписанное пастором из его конгрегации, в котором тот подтверждал, что Заявитель был крещен и является его прихожанином с декабря 2009 года. Поэтому представитель Миграционного совета активно задавал Заявителю вопросы о его переходе в другую веру и предложил ему и его адвокату посоветоваться по этому вопросу, а потом узнал, что Заявитель не желает ссылаться на переход в другую веру в качестве основания для получения убежища (см. пункт 13 выше).

149. 29 апреля 2010 года Миграционный совет отказал в удовлетворении ходатайства Заявителя о предоставлении убежища. Что касается перехода Заявителя в христианство, Миграционный совет решил, что справку от пастора можно расценивать лишь как аргумент для Миграционного совета в вопросе предоставления Заявителю убежища. Совет отметил, что Заявитель изначально не пожелал ссылаться на свой переход в христианство в качестве основания для предоставления убежища и заявил, что его новая вера – вопрос личный. В Совете пришли к выводу, что исповедование веры в частном порядке не является убедительной причиной полагать, что он подвергнется риску преследования по возвращении, и что он не доказал, что по этой причине действительно нуждается в защите Швеции.

150. Исходя из этого, несмотря на то, что Заявитель не пожелал ссылаться на свой переход в другую веру, Миграционный совет тем не менее провел некоторую оценку рисков, с которыми он может столкнуться на этой почве после возвращения в Иран.

151. В своей апелляционной жалобе к Миграционному суду Заявитель сослался на свой переход в другую веру и пояснил, почему он не хотел ссылаться на него ранее.

152. Во время устного слушания в Миграционном суде Заявитель решил не ссылаться на переход в христианство в качестве основания для получения убежища, однако добавил, что «это, очевидно, все равно создаст [ему] проблемы по возвращении». Также было заслушано мнение Миграционного совета. Он не ставил под сомнение тот факт, что на тот момент Заявитель исповедовал христианство, однако посчитал, что этого факта самого по себе не достаточно, чтобы обосновать его необходимость в защите. Они сослались на методические рекомендации Министерства внутренних дел Великобритании (январь 2009 года).

153. Тем не менее, Миграционный суд не стал далее рассматривать вопрос перехода Заявителя в христианство, то, как он исповедовал свою веру в Швеции на тот момент, каким образом он намеревался исповедовать ее в Иране в случае исполнения ордера на выдворение, или вопрос о том, какие «проблемы» смена религии может создать для него по возвращении. В своем решении от 09 марта 2011 года об отклонении апелляции Миграционный суд отметил, что Заявитель больше не ссылается на свои религиозные убеждения в качестве основания для преследования. Соответственно, Миграционный суд не проводил оценку риска, с которым Заявитель мог столкнуться по возвращении в Иран в результате своего перехода в другую веру.

154. В своем ходатайстве о получении разрешения на подачу апелляции в Миграционный апелляционный суд Заявитель указал переход в христианскую веру в качестве основания в Миграционном суде. Более того, он заявил о его возросших опасениях, что такой переход в христианство станет известен иранским властям. Эти утверждения сочли недостаточными для предоставления разрешения на апелляцию, и таким образом, Миграционный апелляционный суд отказал Заявителю в этой просьбе 8 июня 2011 года, после чего ордер на выдворение вступил в силу.

155. Шестого июля 2011 года Заявитель обратился в Миграционный совет с просьбой об отсрочке исполнения ордера на выдворение. Он обосновал свою просьбу сменой религии. В удовлетворении его просьбы отказал Миграционный совет и Миграционный суд, которые посчитали, что переход в другую веру не может рассматриваться как «новое обстоятельство», которое может послужить основанием для повторного рассмотрения его дела. Миграционный апелляционный суд отказал в просьбе о предоставлении разрешения на подачу апелляции 17 ноября 2011 года.

156. Таким образом, несмотря на то, что Миграционному совету и Миграционному суду было известно о том, что Заявитель в Швеции перешел из ислама в христианство и поэтому мог относиться к группе лиц, которые в зависимости от разных факторов могли по возвращении в Иран подвергаться риску обращения, нарушающего Статьи 2 и 3 Конвенции, поскольку Заявитель отказался использовать смену религии в качестве основания для получения убежища, они не проводили тщательного изучения перехода Заявителя в христианство, серьезности его убеждений, способов исповедования веры в Швеции и то, каким образом он будет исповедовать веру в Иране в случае исполнения ордера на депортацию. Более того, при повторной процедуре рассмотрения переход в христианство не сочли «новым обстоятельством», которое могло бы послужить основанием для пересмотра этого дела. Соответственно, власти Швеции не проводили оценку риска, с которым Заявитель мог столкнуться по

возвращении в Иран в результате своего перехода в другую веру. Тем не менее, учитывая абсолютный характер Статей 2 и 3 Конвенции, весьма маловероятно, что соответствующее лицо могло отказаться от предусмотренной ими защиты. Из этого следует, что независимо от поведения Заявителя, компетентные национальные органы обязаны по собственной инициативе оценить всю информацию, попадающую в поле их зрения, прежде чем принимать решение о его высылке в Иран (см. пункт 127 выше).

157. Более того, Заявитель предоставил Большой палате различные документы, которые не были предоставлены национальным органам, к примеру, его письменное заявление от 13 сентября 2014 года (о его переходе в другую веру, о том, как он в данный момент исповедует христианскую веру в Швеции и как планирует исповедовать ее в Иране в случае исполнения приказа о выдворении), а также письменное заявление от 15 сентября 2014 года от бывшего пастора церкви заявителя (см. выше пп. 96-97). С учетом материалов, представленных Суду, и материалов, ранее поданных Заявителем в национальные органы, Суд приходит к выводу, что Заявитель достаточно убедительно доказал, что его ходатайство о предоставлении убежища на основании перехода в другую веру заслуживает рассмотрения национальными органами. Национальные органы должны принять эти материалы во внимание, так же, как и какое-либо дальнейшее развитие общей ситуации в Иране и, в частности, личных обстоятельств Заявителя.

158. Из этого следует, что если Заявитель будет выслан в Иран без проведения шведскими властями оценки *ex nunc* дальнейших последствий его перехода в другую веру, это будет нарушением Статьи 2 и Статьи 3 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

159. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а национальное законодательство Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

160. Заявитель не предъявлял требований относительно возмещения морального ущерба. Соответственно, под этим заголовком Суд не выносит решения о каком-либо возмещении. В любом случае, Суд полагает, что заключение по настоящему делу само по себе составляет достаточно справедливую компенсацию какого-либо морального ущерба, нанесенного Заявителю (см. дела «Таракхел против Швейцарии» /*Tarakhel v. Switzerland*/ [GC], № [29217/12](#), п. 137, ЕСПЧ 2014 (выдержки); «Белджуди против Франции» /*Beldjoudi v. France*/, 26 марта 1992 г., пп. 79 и 86, Серия А № 234-А; «М. и другие против Болгарии» /*M. and Others v. Bulgaria*/, № [41416/08](#), пп. 105 и 143, 26 июля 2011 г.; и «Низамов и другие против России» /*Nizamov and Others v. Russia*/, №№ [22636/13](#), [24034/13](#), [24334/13](#) и [24528/13](#), п. 50, 7 мая 2014 г.).

161. На рассмотрение Палаты Заявитель подал требование о возмещении материального ущерба от предполагаемой потери дохода веб-дизайнера в размере 19 000 шведских крон в месяц с 09 марта 2011 года до момента предоставления ему убежища.

162. Представители Правительства заявили, что это требование должно быть отклонено, поскольку Заявитель не доказал ни то, что он понес какой-либо материальный ущерб, ни то, что имеется причинно-следственная связь между выявленным нарушением и предполагаемым материальным ущербом.

163. Суд повторяет, что он может присуждать возмещение в виде справедливой компенсации, предусмотренной Статьей 41, когда понесенные убытки или причиненный ущерб, относительно которых выдвигается требование, имели место в результате выявленного нарушения, однако Государство не обязано компенсировать не связанный с таким нарушением ущерб (см. дело «Саади против Италии» /Saadi v. Italy/ [GC], цитируется выше, п. 186).

164. Заявитель не предоставил доказательств потери дохода. Кроме того, учитывая выводы Суда по данному делу о том, что в случае высылки Заявителя в Иран без проведения шведскими властями надлежащей оценки *ex nunc* («в дальнейшем») последствий его перехода в другую веру, это будет нарушением Статьи 2 и Статьи 3 Конвенции, Суд не усматривает причинно-следственной связи между выявленным условным нарушением и материальным ущербом, о котором ведет речь Заявитель.

В. Расходы и затраты

165. Заявитель потребовал возмещения 67 175 евро, включая налог на добавленную стоимость (НДС) в порядке возмещения расходов и затрат, которые состоят из:

- 1) 1 415 евро расходов на юридическую помощь, понесенных в рамках производства Палаты, что составляет 8,4 часов по тарифу 1 205 шведских крон в час (без НДС);
- 2) 42 683 евро расходов на юридическую помощь, понесенных в рамках производства Большой палаты, что составляет 311 часов по тарифу 134,05 евро в час (без НДС) и 7 часов по тарифу 136 евро в час;
- 3) 9 860 евро транспортных расходов, понесенных тремя его адвокатами на посещение слушания в Большой палате, включая счет за размещение в гостинице на две ночи (1 190 евро) и оплата за превышение веса багажа (235 евро);
- 4) 319 евро расходов, связанных со встречами Заявителя и его адвокатами;
- 5) 12 898 евро, которые составляют 25% НДС на суммы, указанные в пунктах 2) и 3).

166. Представители Правительства не ставили под сомнение почасовой тариф, указанный Заявителем, поскольку он соответствует общепринятому тарифу оплаты за юридическую помощь в Швеции, однако они считают, что количество часов, выставленных Большой палате, завышено, учитывая предмет и сложность дела. Представители Правительства считают обоснованной сумму, соответствующую

оплате 120 часов, то есть примерно 16 231 евро (без НДС). Кроме того, они полагают, что транспортные расходы чрезмерно завышены.

167. Согласно устоявшейся практике Суда Заявитель имеет право на возмещение затрат и расходов только в том случае, если будет доказано, что они были по необходимости и фактически понесены и являются обоснованными суммами.

168. В отношении расходов на юридическую помощь (гонораров адвокатам), как в Палате, так и в Большой палате, Суд может принять почасовой тариф, указанный Заявителем. В данном деле, учитывая документы, предоставленные Суду и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить сумму в 25 000 евро, включая НДС (см., например, дела «Содерман против Швеции» /*Söderman v. Sweden*/ [GC], № 5786/08, п. 125, ЕСПЧ 2013; «Таракхел против Швейцарии» /*Tarakhel v. Switzerland*/, цитируются выше, п. 142; «Икс и другие против Австрии» /*X and Others v. Austria*/ [GC], № 19010/07, п. 163, ЕСПЧ 2013; «Нада против Швейцарии» /*Nada v. Switzerland*/ [GC], № 10593/08, п. 245, ЕСПЧ 2012; а также «Аль-Джедда против Великобритании» /*Al-Jedda v. the United Kingdom*/ [GC], № 27021/08, п. 117, ЕСПЧ 2011).

169. Что касается других расходов и затрат, связанных с рассмотрением в Большой палате, Суд считает их понесенными фактически и по необходимости, а также обоснованными с точки зрения сумм.

170. В заключение, Суд присуждает выплатить Заявителю сумму в 37 644 евро, включая НДС, в качестве возмещения затрат и расходов. В эту сумму входит сумма, предоставленная Судом в качестве юридической помощи, а именно 3 902 евро. Остаток в размере 33 742 евро подлежит выплате Государством-ответчиком.

С. Пеня

171. Суд считает целесообразным, если ставка пени будет основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой нужно прибавить три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО СУД

1. Шестнадцатью голосами против одного отказывает в удовлетворении ходатайства Правительства о прекращении производства по делу.

2. Единогласно постановляет, что депортация Заявителя в Иран не приведет к нарушению Статей 2 и 3 Конвенции в силу политического прошлого Заявителя в этой стране.

3. Единогласно постановляет, что если Заявитель будет выслан в Иран без проведения шведскими властями оценки *ex nunc* («в дальнейшем») последствий его перехода в другую веру, это будет нарушением Статей 2 и 3 Конвенции.

4. Единогласно постановляет,

(a) что Государство-ответчик в течение трех месяцев обязано выплатить Заявителю 33 742 евро (тридцать три тысячи семьсот сорок два евро, плюс любой налог, который может быть возложен на Заявителя, в отношении расходов и затрат, которые должны быть конвертированы в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты.

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа плюс три процентных пункта;

5. Единогласно отказывает в удовлетворении остальных требований Заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском и французском языках и оформлено на открытом слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 23 марта 2016 года.

Йохан Каллеваерт
Заместитель секретаря

Гвидо Раймонди
Президент

Согласно параграфу 2 Статьи 45 Конвенции и параграфу 2 Правилу 74 Регламента Суда, к настоящему решению прилагаются следующие отдельные заключения:

(a) мнение судьи Бианку, совпадающее с мнением большинства судей;

(b) частично совпадающее, частично отличающееся мнения судьи Ядерблом, объединенное в части первой с мнением судьи Спано;

(c) Отдельное мнение судьи Сайо;

(d) Объединенное отдельное мнение судей Земеле, Де Газтано, Пинто де Альбукерке и Войтычек.

G.R.A.
J.C.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БИАНКУ

Я согласен с заключением о нарушении в этом деле. Однако я хотел бы добавить следующие комментарии.

Вынесенное сегодня решение правильно подтверждает позицию Суда в пункте 115, подчеркивая, что «[п]олная оценка *ex nunc* («в дальнейшем») требуется тогда, когда необходимо учесть информацию, ставшую известной после принятия окончательного решения государственными органами». Это последовательный подход Суда, особенно в отношении дел, касающихся депортации для обеспечения практической и эффективной защиты.

Считаю необходимым напомнить, что Суд установил принципы, касающиеся его оценки риска ненадлежащего обращения в решении по делу «Круз Варас и другие против Швеции» /Cruz Varas and Others v. Sweden/ (20 марта 1991 г., пп. 74-76 и 83, Серия А № 201), а также более подробно разъяснил и объединил эти принципы в деле «Вилвараджах и другие против Великобритании» /Vilvarajah and Others v. the United Kingdom/ (30 октября 1991 г., пп. 107-108, Серия А № 215).

Таким образом, из этих решений 1991 года становится ясно, что в целях анализа рисков согласно Статье 3 Конвенции Суд использовал подход оценки *ex nunc* («в дальнейшем») в отношении как развития событий в стране назначения, так и развивающейся ситуации с самими заявителями во время пребывания в той стране, в которой они просят убежища – так называемые действия *sur place* («на месте») (см. дело «С.Ф. и другие против Швеции» /S.F. and Others v. Sweden/, № 52077/10, пп. 68-71, 15 мая 2012 г.)^[1]. Настоящее решение является подтверждением применения анализа *ex nunc* («в дальнейшем») в отношении действий *sur place* («на месте»).

Пункт 156 судебного решения гласит, что «независимо от поведения Заявителя, компетентные национальные органы *обязаны* по собственной инициативе оценивать всю информацию, попадающую в поле их зрения, прежде чем принимать решение о его высылке в Иран» (выделено мной).

Я лишь хочу подчеркнуть, что это *должно было быть понятно* национальным властям, поскольку вот уже двадцать лет они несут эту процессуальную обязанность. С учетом последовательного подхода к анализу *ex nunc* («в дальнейшем»), который применяется в Страсбурге, а также уже много лет используется национальными судами в своей оценке рисков^[2], а теперь кодифицирован на уровне ЕС^[3], я бы предпочел, чтобы в настоящем решении было четко указано, что по причине отсутствия оценки рисков *ex nunc* («в дальнейшем») совместно с *ex proprio motu* («добровольным») изучением и анализом материалов шведскими властями (см. дело «Вилвараджах и другие» /Vilvarajah and Others/, цитируется выше, п. 107)^[4], последние не провели оценку обстоятельств Заявителя в соответствии со Статьей 3. Я считаю, что только проведение оценки на национальном уровне, соответствующей требованиям Статьи 3, как установил Суд, может постепенно снизить потребность во вмешательстве Страсбурга и перейти в анализ *ex nunc* («в дальнейшем») постоянно развивающихся и сложных обстоятельств на втором этапе.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОТЛИЧАЮЩЕЕСЯ МНЕНИЯ СУДЬИ
ЯДЕРБЛОМ, ОБЪЕДИНЕННОЕ В ЧАСТИ ПЕРВОЙ С МНЕНИЕМ СУДЬИ СПАНО

1. Потенциальное нарушение Статей 2 и 3 Конвенции

При оценке риска на индивидуальном уровне в деле о предоставлении убежища обстоятельства, подлежащие рассмотрению, могут иметь более или менее общий характер. Что касается мусульман, которые обратились в христианство в Иране, доклады по странам показывают, что в определенных ситуациях риск существует. Однако для новообращенного, который ничем не выделяется, в том смысле, что он не пропагандирует и не проявляет свою христианскую веру в политическом контексте, однако посещает домашние службы и хранит дома религиозные материалы, обычно отсутствует риск ненадлежащего обращения такой степени или характера, которых достаточно чтобы подпасть под действие Статей 2 и 3. Первоначальное нежелание Заявителя ссылаться на переход в христианство означало, что с ним де-факто обращались таким же образом, как с любым бывшим мусульманином, который исповедует христианство без широкой огласки, «не выделяясь».

Основной принцип, разработанный в прецедентной практике Суда по оценке рисков, который приводит к запрещению выдворения, заключается в том, что заявитель должен представить доказательства, подтверждающие наличие веских оснований полагать, что он подвергнется реальному риску ненадлежащего обращения. В соответствии с принципами УВКБ ООН, хотя бремя доказывания в целом несет лицо, подающее заявление, имеет место совместная обязанность заявителя и рассматривающего дело сотрудника по установлению и оценке всех соответствующих фактов (см. пункт 109 решения). Я присоединяюсь к этой точке зрения.

Есть два объяснения, почему Заявитель не указал в качестве основания для предоставления убежища свой переход в христианство во время первого производства в Миграционном совете и Миграционном суде. (Что касается апелляции в Миграционный апелляционный суд, вновь подтвердилось, что этот суд функционирует в основном как орган развития судебной практики и не рассматривает дела по существу.) Помимо вероятности, что переход в другую веру не был искренним на тот момент, когда рассматривалось ходатайство о предоставлении убежища, – чего я не предполагаю – либо Заявитель не понимал серьезности опасности его обращения в христианство и того, как он планировал исповедовать свою новую религию, либо он не намеревался исповедовать ее таким способом, который бы представлял для него опасность в Иране.

Вопрос заключается в том, о какой опасности Заявитель должен был знать во время прохождения процедур на национальном уровне, и, следовательно, какую опасность власти должны были оценить. В этом отношении следует проводить различие между лицом, покинувшим страну из-за преследований по религиозным мотивам, и лицом, таким, как Заявитель, который перешел в другую веру *sur place* («на месте»). В последнем случае не только Заявитель должен представлять себе, каковым может стать его положение по возвращении в результате его прогнозируемой религиозной активности, но и государственные органы должны также предположить и оценить не уже пережитые трудности, а те, которые можно ожидать. Следует отметить, что в деле СЕС «Германия против И и З» /Germany v. Y and Z/ (см. пункт 50 решения) речь идет не о переходе в другую веру *sur place* («на месте»), а об анализе будущих рисков для лиц, которые предположительно уже подверглись преследованиям на почве религиозных взглядов и практики. Это дело не касалось процессуальных требований национальных властей. В то же время, в деле А, В, С (см. пункт 51 решения) СЕС не

одобрил практику проведения детального опроса касательно сексуальной практики лиц, ищущих убежища на основании их опасений преследования на почве гомосексуальности, и постановил, что нельзя выносить заключение о недостоверности только потому, что претендент на убежище не указал в качестве основания для преследования заявленную сексуальную ориентацию при первой предоставленной ему возможности. Тем не менее, на мой взгляд, вышеупомянутое дело нельзя сравнивать с настоящим. Сексуальная ориентация может быть наиболее чувствительным и интимным аспектом жизни человека, и СЕС признает, что обсуждать такой вопрос публично или в присутствии официальных представителей государственных органов может быть довольно сложно. В нашем случае ситуация совсем иная – Заявитель с момента его обращения в христианство посещал публичные собрания и мессы в церквях Швеции. Кроме того, в данном случае проблемой является не то, заслуживает ли доверия Заявитель, а скорее неясность в отношении его предполагаемой будущей практики новой обретенной религии и тот факт, что шведские власти автоматически не провели расследования по этому вопросу.

Заявитель не пояснил ни Миграционному совету, ни какому-либо из национальных судов, как он намеревается придерживаться обретенной религии в Иране. Он ни разу не упомянул, что планирует проповедовать или публиковать материалы о христианстве. С момента, когда в Суд попало первое ходатайство Заявителя, он утверждал, что намерен практиковать свою новую веру открыто. Касалось ли это также любого момента на протяжении всего времени рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища в рамках первого производства, проводимого шведскими властями, просто неизвестно, поскольку он этого не пояснил. Тот факт, что он заявил Миграционному суду, что переход в христианскую веру создаст ему проблемы по возвращении в Иран, разумеется, суд мог прояснить, но, как мы видели, этому могут быть и другие объяснения. Из ответа его адвоката на слушаниях в Большой Палате явствует, что Заявитель возможно столкнется с проблемами с друзьями и родственниками в Иране, которые не приняли бы его обращения в другую веру, и, следовательно, по этим причинам он социально пострадает от своего обращения в христианство. Однако такие последствия не являются основанием для предоставления убежища.

Заявитель прожил большую часть своей жизни в Иране, имеет опыт работы с сетью интернет и говорит по-английски. Кроме того, на протяжении всей процедуры предоставления убежища его представлял адвокат. Заявитель несколько раз обсуждал вопрос своего перехода в христианство с адвокатом, начиная с первых собеседований с Миграционным советом. Таким образом, трудно себе представить, что Заявителю, который консультировался с адвокатом, что-то препятствовало каким-то образом довести до сведения властей и судов какую-либо информацию относительно фактов или рисков. Кроме того, в Миграционном совете ему задали вопрос об обращении в христианство (уже на собеседовании 24 марта 2010 года), таким образом, активизировав этот вопрос в деле, и дали ему возможность над этим подумать.

Общеизвестно, что перехода в христианскую религию самого по себе недостаточно, чтобы спровоцировать ненадлежащее обращение со стороны иранских властей. Для этого должен присутствовать элемент открытого соблюдения веры. Это, безусловно, было известно Заявителю и шведским властям. Обычно в Швеции ежегодно Миграционный совет рассматривает десятки тысяч ходатайств о предоставлении убежища, а четыре миграционных суда за год рассматривают несколько тысяч дел,

связанных с предоставлением убежища. Чиновники и судьи специализируются на ситуации в конкретных странах, включая Иран.

Принимая во внимание конкретную ситуацию Заявителя, в частности, его осведомленность о ситуации в родной стране, юридическую помощь, которая была ему оказана, а также низкий уровень риска для новообращенных, тайно исповедующих христианство, на мой взгляд, было бы разумным ожидать от Заявителя, что он, по крайней мере, упомянет, что намерен соблюдать свою новообетенную веру открытым, а следовательно - опасным способом. Если бы Заявитель привел это обстоятельство, власти должны были бы выяснить, как это может повлиять на оценку рисков, и проанализировать эти факты. На мой взгляд, именно так принцип УВКБ ООН в отношении совместной обязанности должен применяться в такой ситуации, как данная. Следовательно, меня не убедили в том, что шведские власти не выполнили своего обязательства провести оценку соответствующих фактов или рисков в рамках первоначальной процедуры предоставления убежища.

Вопрос заключается в том, существовали ли обстоятельства, такие как изменения в отношении того, как он будет придерживаться своей новой религии, которые потребовали второй, новой оценки ходатайства о предоставлении убежища Заявителя на основании его перехода в другую веру. В рамках второй процедуры было бы чрезвычайно важно оценить, имело ли место какое-либо изменение касательно того, каким образом Заявитель будет соблюдать свою новую религию в Иране. Также должны быть оценены любые действия *sur place* («на месте»). Заявитель сам не дал каких-либо дальнейших объяснений в рамках второго разбирательства в отношении того, как он предполагает практиковать свою новую религию в Иране; он не заявлял о какой-либо деятельности, которая бы выходила за рамки незначительной практики, общепринятой в этой стране. Поэтому не удивительно, что компетентные органы посчитали, что Заявитель не упомянул новых обстоятельств в этой связи, и поэтому я не могу сделать вывод о том, что шведские власти не выполнили своих обязательств в рамках второй процедуры.

Тем не менее, Заявитель представил Суду новый материал, в котором поясняет, как будет исповедовать свою религию в Иране в случае высылки. Обстоятельства, представленные Суду, относятся к тем, которые могут выявить риск ненадлежащего обращения, и поэтому должны быть приняты во внимание шведскими властями, прежде чем они примут новое решение в связи с возможной высылкой Заявителя. По этой причине я голосовал с большинством за потенциальное нарушение Статей 2 и 3 Конвенции.

2. Продолжать дальнейшее рассмотрение ходатайства нецелесообразно.

Хотя я проголосовал с большинством в отношении Статей 2 и 3, я бы предпочел прекратить производство Суда в связи с этим ходатайством по следующим причинам.

Статья 37, п. 1, Конвенции гласит:

«Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

(a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы;

(b) спор был урегулирован;

(c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является нецелесообразным.

Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней».

Согласно устоявшейся практике Суда в делах, которые касаются выдворения заявителя из государства-ответчика, как только заявитель получает вид на жительство и риск его выдворения из государства исчезает, суд считает дело урегулированным по определению Статьи 37 § 1 (b) Конвенции и прекращает производство по таким делам (см., например, дело «М.Е. против Швеции» /M.E. v. Sweden/ (производство прекращено) [GC], № 71398/12, § 32, 08 апреля 2015 г.; «Х против Норвегии» /H v. Norway/ (реш.), № 51666/13, 17 февраля 2015 г.; «И.А. против Нидерландов» /I.A. v. the Netherlands/ (реш.), № 76660/12, 27 мая 2014 г.; «О.Г.О. против Великобритании» /O.G.O. v. the United Kingdom/ (реш.), № 13950/12, 18 февраля 2014 г.; «Исман против Швейцарии» /Isman v. Switzerland/ (реш.), № 23604/11, 21 января 2014 г.; «М.А. против Швеции» /M.A. v. Sweden/ (реш.), № 28361/12, 19 ноября 2013 г.; «А.Г. против Швеции» /A.G. v. Sweden/ (реш.), № 22107/08, 6 декабря 2011 г.; а также «Сарвари против Австрии» /Sarwari v. Austria/ (реш.), № 21662/10, 3 ноября 2011 г.). Причина заключается в том, что Суд систематически подходит к данному вопросу как к одному из потенциальных нарушений Конвенции, считая, что угроза нарушения устраняется за счет решения, которым заявителю предоставляется право на проживание в рассматриваемом государстве-ответчике (см. дело «М.Е. против Швеции» /M.E. v. Sweden/, цитируется выше, п. 33). В случаях, касающихся выдворения заявителя из государства-ответчика, когда на основании доступной информации ясно, что заявитель ни в данный момент, ни спустя какой-либо значительный срок не будет подвергаться риску выдворения и риску обращения, предположительно нарушающего Статью 3 Конвенции, а также когда заявитель может обжаловать решение о будущем выдворении в национальных компетентных органах и настоящем Суде, Суд в нескольких случаях выносил решение о нецелесообразности дальнейшего рассмотрения дела и о прекращении производства на основании Статьи 37, п. 1(c) Конвенции (см., среди прочего, дела «И.А. против Нидерландов» /I.A. v. the Netherlands/, № 76660/12, 27 мая 2014 г.; с соответствующими изменениями, согласно Статье 8 «Атаева и Бурман против Швеции» /Atayeva and Burman v. Sweden/ (производство прекращено), № 17471/11, пп. 19-24, 31 октября 2013 г.; «П.З. и другие против Швеции» /P.Z. and Others v. Sweden/ (производство прекращено), № 68194/10, пп. 14-17, 18 декабря 2012 г.; а также «Б.З. против Швеции» /B.Z. v. Sweden/ (производство прекращено), № 74352/11, пп. 17-20, 18 декабря 2012 г.) Во всех этих делах Суд постановил, что отсутствуют особые обстоятельства в отношении соблюдения прав человека, как это определено в Конвенции и Протоколах к ней, которые требуют продолжения рассмотрения дела (Статья 37, п. 1 *in fine* /в конце/).

Настоящее постановление было вынесено более чем через четыре года после принятия окончательного решения на национальном уровне и после окончания срока действия распоряжения о выдворении. Следовательно, распоряжение не может быть приведено в исполнение. Заявитель может инициировать новую и полную процедуру рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, пояснив, как исповедование религии открытым способом приведет к ненадлежащему обращению в Иране, и его заявление будет рассмотрено по существу Миграционным советом, а в случае обжалования - судом. Фактически Заявитель объявил, что если Суд прекратит рассмотрение дела, он вновь подаст ходатайство о предоставлении убежища и будет ссылаться на свой переход в христианство в качестве основания для предоставления убежища. Заявитель не подвергается в данный момент и в течение ближайшего будущего риску быть депортированным в Иран. Если он получит отказ по новому ходатайству о предоставлении убежища на национальном уровне, он сможет подать новую жалобу в Суд.

Практический результат после истечения срока действия распоряжения о выдворении и после решения о возможном нарушении в данном деле аналогичны, а именно, проведение оценки *ex nunc* («в дальнейшем») последствий обращения Заявителя в христианство. Аргументация большинства судей не выдвигает никаких новых существенных принципов в судебной практике Суда. При таких обстоятельствах нецелесообразно далее продолжать рассмотрение настоящей жалобы, и я не вижу каких-либо особых обстоятельств, касающихся соблюдения прав человека, как это определено в Конвенции и Протоколах к ней, которые требуют продолжения рассмотрения данного дела. Соответственно, целесообразно прекратить производство по этому делу согласно Статье 37, п. 1 (с) Конвенции.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ САЙО

Я разделяю выводы особого мнения моих коллег судей Земеле, Де Газтано, Пинто де Альбукерке и Войтычек.

Я придерживаюсь точки зрения, что национальные органы имеют позитивное обязательство оценить с точки зрения Статей 2 и 3 Конвенции ситуацию Заявителя, ходатайствующего об убежище, по их собственной инициативе, опираясь на имеющуюся информацию. Они должны были знать, что Заявителю будет грозить смертная казнь в случае депортации в Иран. Они должны были знать это ввиду личной информации, предоставленной самим Заявителем. Существует достаточно обширный материал о преследовании в современном Иране немусульман, в том числе христиан. Тем не менее, национальные власти не рассматривали имеющиеся на международном уровне сведения и документы, и это само по себе привело к тому, что их решение противоречит верховенству права и влечет за собой нарушение процессуальных требований Статей 2 и 3. Как результат, ордер на принудительную депортацию подвергает жизнь Заявителя непосредственной опасности.

Кроме того, я предпочел бы отдельный анализ того, в какой мере определенное Конвенцией право свободно исповедовать свою религию (то есть, в данном случае, вместо того, чтобы скрывать в Иране христианскую веру, как это было предложено национальными органами) имеет экстерриториальное применение.

ОБЪЕДИНЕННОЕ ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЗЕМЕЛЕ, ДЕ ГАЭТАНО, ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ И ВОЙТЫЧЕК

1. По нашему мнению, нарушение Статей 2 и 3 Европейской конвенции о правах человека (Конвенция) ввиду ордера на депортацию, выданного в отношении Заявителя, имело место как по основным, так и по процедурным основаниям. С процедурной точки зрения мы считаем, что производство по делу о предоставлении убежища имело серьезные недостатки, которые повлияли на окончательное решение национальных органов. По существу мы считаем, что национальные суды не соблюли стандарт Конвенции, когда постановили, что Заявитель не будет подвергаться риску в результате его обращения в христианство в случае депортации в Иран. Поскольку мы не оспариваем, что теперь Заявителю не будет угрожать преследование в Иране из-за его политических убеждений, масштабы этого особого мнения ограничиваются обсуждением соответствия или несоответствия Конвенции распоряжения национальных органов о депортации и процедур, с учетом его обращения в другую религию.

Статус жертвы

2. Хотя срок действия ордера на депортацию истек 8 июня 2015 года, мы считаем, что статус жертвы Заявителя остается неизменным, поскольку ему не был предоставлен вид на жительство в Швеции, а результат каких-либо новых процедур предоставления убежища, которые он может инициировать, не определен. Если бы Суд прекратил рассмотрение дела Заявителя, вступило бы в силу решение Палаты, с большой вероятностью того, что национальные органы и суды будут рассматривать его не критически в любых будущих разбирательствах. С учетом рьяного сопротивления Правительством-ответчиком в ответ на жалобы Заявителя на уровне как Палаты, так и Большой палаты, решение Палаты заметно увеличило бы риск депортации Заявителя, что было бы явным нарушением основных прав человека.

Процессуальное нарушение

3. Бесспорно, во время первоначальной процедуры предоставления убежища Заявитель четко указал, что не желает ссылаться на свое обращение в христианство в качестве основания для получения убежища. Поэтому суть дела заключается также в том, провели ли власти по собственной инициативе оценку такого риска, поскольку они были осведомлены о переходе Заявителя в другую веру.

Мы считаем, что компетентные национальные органы и суды были обязаны по собственной инициативе установить потребность Заявителя в международной защите с учетом всех обстоятельств, которые были или могли быть им известны.

Государственные органы не имели права не учитывать известный риск в соответствии со Статьей 3 по религиозным мотивам просто потому, что претендент на убежище не пытался активно его использовать в рамках процедуры рассмотрения национальными органами или не в полной мере понял последствия отказа официально указать их в качестве основания для предоставления убежища. Вместо этого национальные органы предпочли рассматривать ситуацию Заявителя, как если бы он отказался указывать в качестве основания риск, связанный с его переходом в другую веру.

Мы не принимаем как факт то, что Заявитель отказался от указания такого риска. Материалы дела не содержат доказательств какого-либо обоснованного и добровольного отказа со стороны Заявителя. Кроме того, принимая во внимание абсолютный характер запрета на высылку (*refoulement*) и не допускающие отступлений права, установленные в статьях 2 и 3 Конвенции, такой отказ, даже если бы он получил подтверждение, которое в данном случае отсутствует, не был бы уместным аргументом. Таким образом, государственные органы и суды были обязаны рассмотреть риск для Заявителя в результате его перехода в христианство в случае его возвращения в Иран. Они этого не сделали.

4. Действительно, Миграционный совет отметил, что Заявитель изначально не хотел сослаться на переход в христианство в качестве основания для предоставления убежища и заявил, что его вера – личное дело; по этой причине Заявитель не нуждается в защите в Швеции[5]. Впоследствии Миграционный суд даже не обращался к этому вопросу, учитывая тот факт, что Заявитель больше не ссылаясь на свои религиозные взгляды в качестве основание для преследования[6]. Несмотря на явный аргумент Заявителя касательно риска, связанного с его религиозными убеждениями, который он привел в своем ходатайстве о предоставлении разрешения на апелляцию в Миграционном апелляционном суде, апелляционный суд не принял в внимание этот аргумент и отказал в удовлетворении ходатайства Заявителя о предоставлении разрешения на подачу апелляции.[7]. В дальнейшем, пытаясь добиться повторного рассмотрения его дела, Заявитель настаивал на опасности для жизни, сопровождающей переход из ислама в другую религию, с которой он столкнется в Иране[8]. И опять, Миграционный совет стоял на своем, мотивируя свое решение тем, что Заявитель изначально отказался указать в качестве основания свои новые религиозные убеждения, и поэтому лишается возможности поднимать этот вопрос как новое обстоятельство[9].

Позиция Миграционного совета, подтвержденная Миграционным судом и Миграционным апелляционным судом[10], впоследствии была опровергнута «общей правовой позицией» генерального директора по юридическим вопросам Миграционного совета Швеции, которая вышла в 2013 году, в отношении методологии оценки убедительности и достоверности ходатайств о предоставлении международной защиты. Этот документ фактически предусматривает, что изначальное бремя доказывания возлагается на заявителя, подчеркивая в то же время, что ответственность за оценку ходатайства совместно с заявителем несет орган, ее рассматривающий[11]. В связи с этим указанная «общая правовая позиция» соответствует стандартам бремени доказывания, установленным данным Судом[12] и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)[13].

5. Несмотря на то, что национальные компетентные органы и суды согласились с тем, что переход Заявителя в христианство был искренним, они исходили из того, что Заявитель не будет подвергаться риску в случае депортации в Иран, поскольку сможет изменить свое социальное поведение, чтобы соблюсти частный характер исповедования своей новой веры. Другими словами, шведские власти и суды предположили, что Заявитель будет или даже должен воздерживаться в Иране от участия в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности, в отличие от того, как он поступал в Швеции. Такая позиция была четко заявлена Миграционным советом, который посчитал, что исповедование религии в частном порядке не считается убедительным основанием полагать, что ему угрожает преследование по возвращении[14].

Ни Миграционный суд, ни Миграционный апелляционный суд эту позицию не отменил. Тем не менее, несколько месяцев спустя генеральный директор по юридическим вопросам Миграционного совета Швеции издал новую «общую правовую позицию» от 12 ноября 2012 г. в отношении религиозных мотивов как основания для предоставления убежища, в которой четко подтвердил, что человек, перешедший в другую веру, не должен «быть вынужден скрывать свою веру лишь для того, чтобы избежать преследования»[15]. По стечению обстоятельств Большая палата Суда Европейского Союза («СЕС») вынесла решение по делу «Федеративная Республика Германия против И (С-71/11) и З (С-99/11) /Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z/ 05 сентября 2012 года, в котором постановила:

«страх преследования заявителя обоснован, если с учетом личных обстоятельств заявителя компетентные органы считают, что можно обоснованно предположить, что после его возвращения в страну происхождения он будет практиковать религиозные действия, которые будут подвергать его реальному риску преследования. Оценивая ходатайство о предоставлении статуса беженца в индивидуальном порядке, эти органы не могут обоснованно ожидать, что заявитель будет воздерживаться от религиозных действий».

И общая правовая позиция генерального директора, и решение СЕС основаны на проверенных временем рекомендациях УВКБ ООН по международной защите в отношении ходатайств беженцев по религиозным мотивам от 28 апреля 2004 года, в соответствии с которыми лицо не должно быть вынуждено скрывать, менять или отрекаться от своих религиозных убеждений с целью избежать преследования[16].

6. Мы согласны с этой принципиальной позицией, которая полностью соответствует устоявшейся практике Суда по отношению к обязанности государства соблюдать нейтралитет в религиозных вопросах и несовместимости этой обязанности с каким-либо полномочием государства оценивать правомерность религиозных убеждений или способов и форм выражения этих убеждений[17]. Как, используя убедительные исторические аллюзии, постановил Верховный суд Великобритании в деле, где ходатайство о предоставлении убежища основывалось на гомосексуальности, вынесение противоположного решения было бы все равно, что дать санкцию на возвращение Анны Франк в оккупированную нацистами Голландию в случае, если ей удалось бы оттуда бежать, на том основании, что она могла бы скрываться на чердаке и, соответственно, могла бы успешно избежать ареста нацистами[18]. Верховный суд постановил, что такая ситуация была бы «абсурдной и нереальной». Таким образом, мы не можем принять предположение Государства-ответчика о том, что Заявитель не

будет преследоваться в Иране, поскольку может исповедовать свои религиозные убеждения в незначительной, скрытной или даже тайной форме. Внешнее проявление веры человека не только является существенным элементом самой свободы, защищенной Статьей 9 Конвенции, но, по меньшей мере, и безусловно - в случае христианства, внешнее свидетельство этой веры является «важной задачей и обязанностью каждого христианина и каждой церкви»[19].

Таким образом, мы приходим к выводу, что имело место процессуальное нарушение Статей 2 и 3 Конвенции по причине серьезных недостатков, влияющих на внутреннее производство и последующее принятие окончательного решения.

Существенное нарушение

7. В соответствии с Конвенцией, лицо, ищущее убежища, не может быть выслано в страну происхождения или любую другую страну, где оно рискует понести серьезный ущерб от любого установленного или неустановленного лица, либо государственной или частной структуры. Акт выдворения (*refoulement*) может заключаться в высылке, депортации, удалении, перемещении, экстрадиции, выдаче, формальной или неформальной передаче, отказе во въезде или какой-либо другой мере, которая может вынудить человека остаться в стране происхождения или возвратиться в нее. Риск серьезного вреда может возникнуть в результате внешней агрессии, внутреннего вооруженного конфликта, внесудебного убийства, насильственного исчезновения, смертной казни, пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, принудительного труда, торговли людьми, преследования, осуждения на основании обратной силы закона или неопределенных уголовных законов, либо доказательств, полученных в результате пыток или бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, то есть в результате «вопиющего нарушения» сущности любого права Конвенции в государстве назначения (прямая высылка – *refoulement*) или дальнейшего перемещения лица государством назначения в третье государство, в котором такой риск существует (непрямая высылка – *refoulement*). Отметим, что запрет на высылку является правилом договора, в отношении которого не допускаются какие-либо отступления и оговорки[20]. Кроме того, запрет на высылку является принципом обычного международного права, обязательным для всех государств, даже тех, которые не являются участниками Конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев или какого-либо другого договора о защите беженцев. Суд четко признает принцип недопустимости высылки (*non-refoulemen*) обязательной нормой международного права, среди прочего, в деле «Хирси Джамаа и другие против Италии» /*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*/ [GC][21].

8. Выходец из Ирана, Заявитель стал христианином вскоре после прибытия в Швецию, как минимум на декабрь 2009 года. Его переход в христианство в достаточной мере подтверждается свидетельством о его крещении от 31 января 2010 года, справкой от 15 марта 2010 от пастора в Швеции, в которой говорится о том, что Заявитель является прихожанином его конгрегации с декабря 2009 года и прошел обряд крещения, а также письмом от 13 апреля 2011 из его новой конгрегации, в котором говорится, что Заявитель перешел в христианство вскоре после прибытия в Швецию, что он продемонстрировал искренние намерения и интерес, готов больше узнавать о своей новой вере и участвует в церковных службах, молитвенных собраниях и общественных мероприятиях[22]. Государство-ответчик не оспаривало ни один из данных фактов.

9. Переход Заявителя в христианство в Иране является уголовным преступлением, наказуемым смертью[23]. Кроме риска социального преследования как христианин[24], Заявитель может подвергнуться уголовному преследованию за преступление вероотступничества[25]. Хотя иранское государство не кодифицировало преступление вероотступничества, оно разрешает исполнение некоторых исламских законов, даже если преступление прямо не упоминается в уголовном кодексе. Поскольку вероотступничество явно не запрещается иранским уголовным кодексом, и существует много различных интерпретаций исламского закона о вероотступничестве, судьи имеют право по своему усмотрению выносить решения по делам в вероотступничестве на основе собственного понимания исламского права[26], которое они могут применять, ссылаясь на статью 167 конституции Ирана[27].

Кроме того, акт вероотступничества карается даже при отсутствии каких-либо социальных волнений, что еще больше усугубляет по сути интроспективный характер уголовного наказания. Кроме того, преступление вероотступничества применяется по-разному для мужчин и женщин, мусульман и не-мусульман, шиитов и суннитов, а также мусульман, рожденных у мусульманских родителей, и мусульман, рожденных у немусульманских родителей. Члены других религиозных общин и атеисты могут стать мусульманами, не опасаясь каких-либо преследований. Женщины, отступившие от своей веры, не наказываются смертной казнью, как мужчины.

10. По нашему мнению, уголовная ответственность за вероотступничество нарушает нормы международного права в области прав человека[28]. Такое наказание является по сути произвольным, поскольку уголовная ответственность за изменения чьей-либо религии нарушает право на свободу религии и фактически вынуждает мусульман воздерживаться от принятия другой веры. Согласно Статье 18 Всеобщей декларации прав человека свобода религии предполагает и обязательную «свободу менять [свою] религию или убеждения»[29]. Более того, как правовой аспект, и объективные, и субъективные требования к уголовному наказанию акта вероотступничества являются неопределенными и неоднозначными, так же, как и применяемые наказания, а различия в обращении к разным категориям субъектов права являются дискриминационными.

11. Наконец, совершение такого преступления может быть доказано в соответствии с доказательными правилами, которые противоречат основным принципам равенства и справедливости. Доказательные правила не только проводят различие между свидетельскими показаниями, предоставленными мужчинами и женщинами, мусульманами и не-мусульманами, они к тому же допускают использование личного «знания судьи» для обоснования уголовного обвинения. С учетом вышеизложенного, расследование и судебное производство в делах о вероотступничестве как уголовное преступление представляет собой вопиющее отрицание правосудия[30].

12. В целом, ордер на депортацию Заявителя в Иран, где он может быть осужден по вышеупомянутому уголовно-процессуальному праву, приравнивается к нарушению принципов, глубоко закрепленных во всеобщем правосознании. Ордер на депортацию подверг его серьезному риску быть осужденным по уголовному праву, которое является вопиющим нарушением права на свободу вероисповедания и принципа законности уголовной ответственности, а в рамках уголовного процесса будет представлять собой вопиющее отрицание правосудия. Исполнение такого ордера на

депортацию будет грубым нарушением принципа *non-refoulement* (недопустимость высылки).

Таким образом, мы приходим к выводу, что имело место существенное нарушение Статей 2 и 3 Конвенции по причине выдачи ордера на депортацию Заявителя. С учетом вышеизложенного также добавим, что при неизменных обстоятельствах *rebus sic stantibus*/ Государство-ответчик не должно депортировать Заявителя в Иран.

[1] См. также Статью 5 Директивы 2011/95 / ЕС Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 года о стандартах квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве лиц, пользующихся международной защитой, в отношении единого статуса для беженцев или лиц, имеющих право на дополнительную защиту, а также содержания предоставляемой защиты.

[2] Среди многих других решений см. Апелляционный суд Англии и Уэльса, 28 октября 1999 г., «Дэниан против Министра внутренних дел» /*Danian v Secretary of State for the Home Department*/ [1999] EWCA Civ 3000; решение Административного суда Хельсинки, 25 октября 2010 года, 10/1389/1; решение Высшего суда Ирландии, 21 января 2011 г., «Х.М. против Министра юстиции, равенства и правовой реформы» /*H.M. v Minister for Justice, Equality, Law Reform*/ [2011] IЕHC 16; а также решение Миграционного суда Швеции, 01 марта 2011 г., UM 20938-10 (все представлены по адресу <http://www.asylumlawdatabase.eu/en>).

[3] Статья 46, п. 3 Директивы 2013/32/ЕС Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 года по общим процедурам предоставления и отмены международной защиты.

[4] См. также по поводу необходимости такого изучения, решение Миграционного апелляционного суда Швеции, 18 сентября 2006 г., UM 122-06 (<http://www.asylumlawdatabase.eu/en>).

[5] См. пункт 21 решения выше.

[6] См. пункт 28 решения выше.

[7] См. пункты 30-31 решения выше.

[8] См. пункт 32 решения выше.

[9] См. пункт 33 решения выше.

[10] См. пункты 35 и 36 решения выше.

[11] См. пункт 47 решения выше.

[12] «Р.К. против Швеции» /R.C. v. Sweden/, № 41827/07, п. 53, 9 марта 2010 г.

[13] УВКБ ООН, Информационная записка о бремени и стандартах доказывания в рамках ходатайств о предоставлении статуса беженца, 16 декабря 1998 г., п. 6; и Руководство по процедурам и критериям определения статус беженца, HCR/IP/4/Eng/Rev.1, 1992, пп. 196-197.

[14] См. пункт 21 решения выше.

[15] См. пункт 46 решения выше.

[16] См. пункт 52 решения выше.

[17] «Эвейда и другие против Великобритании» /Eweida and Others v. the United Kingdom/, №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, п. 81, ЕСПЧ 2013, а также ссылки, указанные в них.

[18] «ХДж (Иран) и ХТ (Камерун) против Министра внутренних дел» /HJ (Iran) and HT (Cameroon) v. Secretary of State for the Home Department/, (2010) UKSC 31, 7 июля 2010 г., п. 107.

[19] «Коккинакис против Греции» /Kokkinakis v. Greece/, № 14307/88, пп. 31 и 48, 25 мая 1993 г.

[20] Статьи 33 и 42, п. 1 Женевской Конвенции 1951 года о статусе беженцев, Статья VII, п. 1 Протокола 1967 года и Статья 53 Венской Конвенции о праве международных договоров.

[21] «Хирси Джамаа и другие против Италии» /Hirsi Jamaa and Others v. Italy/ [GC], № 27765/09, п. 134, 23 февраля 2012 г., с отсылкой к Информационной записке УВКБ ООН по международной защите от 13 сентября 2001 г. (A/АС.96/951, п. 16).

[22] Миграционный суд не ставил под сомнение тот факт, что Заявитель исповедовал христианство (пункт 24 решения выше).

[23] Последним обращенным в христианство в Иране, который в судебном порядке был признан виновным в вероотступничестве и приговорен к смерти, был Мехди Диджаб в 1994 году, хотя приговор не был приведен в исполнение. Отсутствие такого наказания в последнее время вовсе не означает, что новообращенных христиан не казнили вне судебной системы. Например, Мехди Диджаб и другие протестантские пасторы были убиты за рамками судебной системы. По данным международных источников, последняя фактически приведенная в исполнение смертная казнь за вероотступничество состоялась в 1990 году (см., к примеру, Юридическая библиотека Конгресса США, Центр глобальных правовых исследований, «Законы, которые криминализируют вероотступничество в отдельных юрисдикциях», май 2014). Другие нехристианские «вероотступники» также были приговорены к смертной казни, например, Сейед Али Гарабат, бывший командир Корпуса гвардии исламской революции, который был признан виновным в вероотступничестве и казнен в 2011 году, Хасан Юсефи Эшкевари, бывший член парламента, признанный виновным в вероотступничестве и приговоренный к смерти в 2000 году, но позже освобожденный

в 2005 году, и Хашем Агаджари, профессор университета, признанный виновным в вероотступничестве и приговоренный к смертной казни в 2002 году, приговор которого был отменен Верховным судом в 2004 году.

[24] См. отрывок, который цитируется в пункте 57 настоящего решения: «любой перешедший в другую веру, который хочет исповедовать ее по возвращении, подвергается серьезному риску». Ситуация с лицами, обращенными в христианство, влечет за собой контроль со стороны информаторов и иранской разведывательной службы, доносов со стороны родственников и знакомых, поиск домашних церквей и задержания членов домашней церкви. Наиболее авторитетными международными документами о ситуации в области прав человека в Иране и рисках, связанных с перешедшими в христианство жителями этой страны, являются Доклады назначенного Специального докладчика Совета по правам человека о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран, от 18 марта 2014, А/HRC/25/61, который отдельно затрагивает преступления вероотступничества в пункте 41, и от 12 марта 2015 года, А/HRC/28/70, в пункте 52 которого заявляется: «По состоянию на 01 января 2015 года как минимум 92 христиан в стране остаются в заключении предположительно из-за своей христианской веры и деятельности. Только в 2014 году по всему Ирану было арестовано и задержано 69 новообращенных верующих минимум на 24 часа. По сообщениям, власти и дальше следят за лидерами домашних церквей, как правило, мусульманского происхождения. Обращенные в христианство предположительно по-прежнему сталкиваются с ограничениями в соблюдении своих религиозных праздников». Комитет по правам человека также упоминает эту проблему в своих заключительных замечаниях по Ирану от 29 ноября 2011 года, ССРР/С/ИРН/СО/3, пункт 23. В дополнение к документам, указанным в судебном решении, преследование христиан и особенно мусульман, перешедших в христианство, тщательно анализируются в следующих документах: Соглашение Австрийского Красного креста (Австрийский центр по вопросам стран происхождения и исследований и документации, связанных с предоставлением убежища), «Свобода религии; Обращение с религиозными и этническими меньшинствами», Компиляция ИСП, сентябрь 2015 года; Хьюман Райтс Вотч, Обзор страны: Иран, январь 2015 года; Комиссия США по международной религиозной свободе, Годовой доклад по Ирану, 2015; Государственный департамент Соединенных Штатов, Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда, Международный Отчет о свободе вероисповедания за 2015 год: Иран; Министерство внутренних дел Великобритании, Информация и рекомендации по стране, «Иран: Христиане и новообращенные христиане», декабрь 2014 года; Юридическая библиотека Конгресса Соединенных Штатов, Центр глобальных юридических исследований, «Законы, которые криминализируют вероотступничество в отдельных юрисдикциях», май 2014 года; Брайан О'Коннелл, «Конституционное отступничество: двусмысленность в области исламского права после арабской весны», в Северо-западном журнале по международным правам человека, осень 2012; Комиссия США по международной религиозной свободе, «Отношения религии и государства и право на свободу религии или убеждений: Сравнительный анализ текстов конституций большинства мусульманских стран и других членов Организации Исламского Сотрудничества», 2012 г.; Камран Хашеми, Религиозные правовые традиции, международное законодательство в области прав человека и мусульманские государства, Nijhoff Publishers, 2008; а также Европейский центр права и справедливости и Американский центр права и справедливости, «Международная

правовая защита права на выбор религии и изменение своей религиозной принадлежности: Иран», сентябрь 2007 года.

[25] См. Доклад Иранского центра документирования прав человека за 2014 год, «Отступничество в Исламской Республике Иран», в котором подробно рассматриваются правоведческий, а также правовой контекст, в котором в Иране преследуются случаи вероотступничества. В Докладе подробно изучаются случаи вероотступничества, включающие широкий круг ответчиков, а также предоставляет информацию о правовых и религиозных вопросах, рассматриваемых в каждом конкретном случае. Кроме того, здесь уместно отметить, что некоторые известные национальные суды уже предоставили статус беженца иранским новообращенным христианам на основании страха преследования, например, Трибунал Новой Зеландии по иммиграции и защите (АР (Иран), (2011) NZIPT 800012, 29 сентября 2011 г.), Австралийский суд по делам беженцев (PPT дело № 1002841, (2010) RRTA 681), Апелляционный суд Англии и Уэльса («ММ (Иран) против Министра внутренних дел» /MM (Iran) v. Secretary of State for the Home Department/, [2010] EWCA Civ 1457, 17 ноября 2010 года), и Канадский федеральный суд («Мустафа Эджтехадян против Канады (Министр гражданства и иммиграции)» /Mostafa Ejtehadian v. Canada (Minister of Citizenship and Immigration)/ 2007 FC 158, 12 февраля 2007 года).

[26] О наказании за вероотступничество согласно исламскому праву см. Ахмед Агундуз, Исламское публичное право, Iug Press, 2011, стр. 370-377.

[27] Статья 167 Иранской Конституции гласит: «Судья должен стараться рассматривать каждый случай на основе кодифицированного права. В случае отсутствия такого закона он должен вынести свое решение на основе авторитетных исламских источников и аутентичного разъяснения нормы шариата (фетвы). Он не может под предлогом отсутствия или неполноты нормы в законе по рассматриваемому вопросу, или же в силу его краткости либо противоречивости воздерживаться от принятия и рассмотрения дела и вынесения решения».

[28] Та же позиция заявляется в Докладе Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о свободе религии или убеждений, Хайнера Билефельдта A/HRC/22/51 от 24 декабря 2012 года, в котором рекомендуется, чтобы «государства отменили любые положения уголовного права, которые предусматривают наказание за вероотступничество», приводя на странице 17 пример пастора Юсефа Надархани, который был признан виновным в вероотступничестве в Иране, и которому в 2010 году был вынесен смертный приговор, однако позже он был осужден за более легкое преступление. В Докладе также отмечается: «Специальный докладчик хотел бы подчеркнуть, что экстрадиция или депортация, которые потенциально приведут к нарушению свободы религии или убеждений, могут сами по себе представлять собой нарушение прав человека. Кроме того, такая депортация нарушает принцип *non-refoulement* (запрет на принудительное возвращение), закрепленный в Статье 33 Женевской конвенции 1951 года о статусе беженцев». Комитет по правам человека всегда придерживался позиции против криминализации, еще со времен Замечания общего порядка 22 о праве на свободу мысли, совести и религии, ССРР/С/21/Rev.1/ADD.4, 27 сентября 1993 г., п. 5: «Статья 18(2) запрещает принуждение, ущемляющее право иметь или принимать религию или убеждения, включая использование угрозы применения физической силы или уголовного наказания с целью заставить верующих или неверующих лиц придерживаться своих

религиозных убеждений и воззрений, отречься от своей религии или убеждений или обратиться в другую веру».

[29] На самом деле, даже в самом Коране гарантируется свобода религии («В религии нет места принуждению. Верный путь уже отличается от заблуждения» (Коран, 2:256)) и ни один стих в Коране не предусматривает наказания за переход в другую веру.

[30] Рудольф Питерс, Преступление и наказание в исламском праве: Теория и практика с шестнадцатого по двадцать первый век, Cambridge University Press, 2005, стр. 177-179, а также Абдулла Саед и Хассан Саед, Свобода религии, вероотступничество и ислам, Ashgate, 2004, стр. 99-108.